

АНАСТАСИЯ КЕРТ ЕНОДИНА

ПРИНОСЯЩАЯ
удару

Анастасия Керт

Приносящая удачу

«Литнет»

2017

Керт А.

Приносящая удачу / А. Керт — «Литнет», 2017

Леона ненавидят все в городе, боятся, презирают и втайне мечтают избавиться. Потеря важного артефакта вынуждает Леона найти следопыта, чтобы тот провёл через болота и помог отыскать утраченную вещь. Мила жила и не знала горя, пока однажды не нашла на болоте клинок. А вскоре в деревню заявили двое и остались постояльцами в её доме. Следопыт и загадочный мужчина за неполных полдня перевернут жизнь Милы, и ей придётся ввязаться в путешествие, за время которого предстоит выяснить, стоит ли рискнуть поверить тому, кому доверять нельзя.

© Керт А., 2017

© Литнет, 2017

Содержание

1	5
2	17
3	22
4	26
5	29
6	32
7	36
8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

1

Если в твоей душе осталась хоть одна цветущая ветвь,
на неё всегда сядет поющая птица.

 (с) Восточная мудрость

Колокола отзвонили, прихожане разошлись по домам, и седой патлатый старик, заперев дверь своей комнаты, расположился в кресле перед большим столом. Он жил в церкви, потому что считал, что она принадлежит ему. Как принадлежит и весь город. Только пока об этом никто не подозревал, поскольку Ролан был простым священником и слишком слабым магом. Власть никак не удавалось заполучить, разве что имелось две сотни верящих в его силы прихожан. Но это не то, чего он хотел. Он бы желал быть значимой фигурой, хотя бы на закате своих дней. План по достижению этой цели у него имелся давно, вернее, не у него, а у Иржи - мага, внезапно вышедшего на Ролана много лет назад и предложившего поддержку.

Примерно в то время, как священник единственный раз встречался с Иржи, в городе объявился молодой человек. Его звали Леон, он был совсем мальчишкой, но уже через пару лет стал изрядно досажать добропорядочным горожанам. Он был порочен, нагл и тщеславен, но найти на него управу не удавалось по многим причинам.

Сейчас мысли священника снова были о нём, хоть этот парень теперь и был вполне взрослым мужчиной, да и проблем с ним давно уже не возникало. Леон в последние годы появлялся в городе редко, особенно не дебоширил, посещал таверны в поисках связей на одну ночь, честных и порядочных специально не соблазнял, как раньше, не крал ничего и не занимался ничем столь уж предосудительным. Это, конечно, не помогло ему изменить устоявшееся презрительное отношение к себе горожан, но зато, если прежде внимание священника было нацелено на его фигуру постоянно, то теперь он наблюдал за ним лишь иногда, когда тот попадался на глаза.

Сидящий за столом Ролан достал из выдвижного вечно заклинивающего ящика сложенное вчетверо пожелтевшее письмо и развернул его, всматриваясь в знакомые и почти заученные наизусть строки. Письмо было написано довольно давно, но своей актуальности не утратило и по сей день.

"Следи за ним. Он не должен выйти из-под контроля. Не давай его соблазнам таять, не позволяй сомневаться, что жизнь дана ему для получения удовольствий." Ролан усмехнулся. Этого совершенно не требовалось: со всем этим Леон прекрасно справлялся и сам. Наверно, попроси Иржи, наоборот, разубедить Леона брать от жизни всё, у священника бы ничего не получилось.

"Если однажды он поведёт себя странно, суетливо или тебе вдруг покажется, что он стал много думать - сделай всё возможное, чтобы избавиться от него, пока не стало хуже. Сам не пытайся убить - он хитрее, чем пытается казаться, сильнее и опаснее."

В этом Ролан сомневался: Леон не казался умным, хитрым, сильным или опасным. Совсем не казался. Ни когда пускался во все тяжкие, ни сейчас, когда после определённых событий стал вести себя спокойней. То ли и правда полюбил ту, что от него сбежала, то ли она своим побегом доказала, что он ничтожен. Ролан не вмешивался тогда, зато горожане сыграли не последнюю роль... Впрочем, Леон на влюблённого похож не был никогда, Ролан даже сомневался, умеет ли этот человек вообще чувствовать что-то светлое. Так что причины его внезапного затворничества он боялся искать.

"Это ерунда. Он может просидеть во дворце годы - это мало, что изменит. Просто следи и не упusti момент, когда лёд тронется."

Лёд. Иржи любил аллегории, связанные со льдом. Он жил по ту сторону реки, где-то очень далеко отсюда. В тот единственный раз, когда Иржи бывал в этом городе, он говорил

Ролану о своих впечатлениях от дороги. Тогда его больше всего впечатлила именно река: стремительная, порожистая... От неё запитывалась водой ближайшая деревня, что стояла на том берегу. Тамошние люди хорошо освоили создание различных гидротехнических сооружений, но в ту весну им весьма досаждал донный лёд: иногда он всплывал со дна и портил всё водоснабжение. Правда, с ним поднималось и много утерянного рыбаками добра, так что народ это явление любил: иногда находились диковинные вещи.

Так что Ролан удивился, что в письме Иржи написал "лёд тронется", а не "всплывёт донный лёд", поскольку, как находил священник, последнее подходило бы к Леону больше: очень уж хотелось узнать, что у него внутри, что скрывается за созданным им образом. Сам священник склонялся к мысли, что ничего хорошего донный лёд из глубин души этого молодого человека не поднял бы, но Иржи полагал, что помимо мусора и хлама там могло бы отыскаться что-то стоящее, и именно из-за этого предположения Леона полагалось в случае чего убрать.

Случай такой настал недавно. Леон, прежде разъезжавший по городам, транжиря деньги, а в последние годы тихо посиживавший в своём дворце, вдруг стал вести себя нервно. Пару дней назад он посетил город, запасся провизией и отправился в неизвестном направлении. Ролан не успел вовремя сообразить, что Леон уходит куда-то надолго, может, даже и навсегда, так что упустил его.

Ландграф покинул город и свои земли, он мог легко затеряться, и Ролан не находил себе места, не зная, как поскорей сообщить об этом Иржи и спросить совета, что делать дальше. Он не спал обе ночи, что Леон отсутствовал, но так и не решил, что же делать. Отправляться в погоню? Или не стоит? Иржи просил избавиться от него, но Ролан не понимал, зачем: он вреден людям, он отравил жизнь многим, но для грядущих планов Леон был совершенно безобиден, особенно, если находился где-то вдали.

Ролан переживал сильно, но совершенно напрасно. Собравшийся в дальний путь Леон вернулся быстро. Два дня - и снова можно было видеть, как горит свет в его дворце. Священник подумал, что надо быть внимательней к нему и, если что, готовым обеспечить ему смерть.

Зато потом случилось странное: в обитель священника появился старик и попросил передать Леону предостережение. Тогда Ролан не понял сути, но догадался, что старец не простой. У священника был очень слабый магический дар, но не распознать волшебника в старце он не мог. Так что предостережение запомнил и требуемую клятву принёс. А позже, планируя, как избавиться от Леона, понял, что старец был на шаг впереди и заранее знал, какой способ придумает Ролан. Но клятва была принесена, о чём священник не очень-то сожалел: он ничего не терял, давая Леону шанс выжить.

Говорят, я халявица. Так говорит моя сестра и два моих брата, потому что я, как им кажется, вечно отлыниваю от работы. На самом деле, это не совсем верно. Я не отлыниваю, просто не виновата в том, что лучше всего у меня получается простая работа. Ах да, самое главное: я не люблю животных, а они не любят меня, так что со скотиной тоже возиться приходится без моего участия. Потому что, если на меня можно надавить и заставить работать с животной, то животину со мной - ни за что. Не любят они меня. В итоге я действительно могу заниматься только домашними делами, да собирать дары леса. С этим хлопот тоже хватает, но всё же с живностью мороки больше: то её накорми, то подои, подстриги, а иногда надо забивать или лечить. Так вот меня в халявицы и записали. Да и ладно!

День, с которого я стала и сама считать себя любимицей Удачи, начался довольно обычно, так что, сколько я потом ни старалась, вспомнить подробности того судьбоносного дня так и не смогла. Наверно, это и неважно. Да, сейчас мне кажется, что это всё неважно: о чём я думала в то утро, о чём болтала с родными за завтраком, а также какая была погода. Впрочем, как раз погоду я отлично помню: она была прекрасная.

Лето выдалось тёплым, так что ещё один прекрасный день никого особенно не порадовал и не удивил: таких дней было уже много, и летним теплом мы все уже успели насладиться. Изба у нашей семьи добротная, так что печалиться о том, что скоро (хотя, не так уж и скоро) придут холода, не приходилось. Придут - и пусть приходят! Сенька с Глебом, братья мои, дров наготовили на всю зиму, а то и на две: дровенник полный забит, даже новый пришлось сколачивать, чтоб уместить всё. В это лето случился большой ураган, что очень порадовало всех жителей деревни: не погиб никто, урона никакого угольям не нанёс, зато лес повалил так, что дров каждый себе натащил, сколько сил хватило. Вот и мы с братьями расстарались. "Мы" - ну, потому что я тоже помогала, как могла: укладывала поленья аккуратно, чтоб не повалилось ничего, когда зимой станем разбирать понемногу кладку. Дрова в основном берёзовые были, потому что на берёзовые спрос больше, уж месяц, как ураган был, а ни одной берёзы поваленной не сыскать в лесу. Ёлок и сосен - полным полно, а хорошего топлива нет бесхозного, растащили всё.

В тот день как раз в огороде все дела были переделаны, так что мои братья отправились в лес - любили они при случае притащить ещё дровишек. Не для печи, а для костра: эти двое просто обожали с девками посидеть, песни попеть, хлеб стащить и пожарить. Отец вечно ругался, если для бестолкового сжигания брались дрова, так что в это лето парни решили подготовиться. Доски для ещё одного дровенника отец не выделил, так что приходилось им накрывать чурки чем придётся, чтоб не мокли под дождём.

А мне снова повезло: мать отправила за морошкой. Лес - мой друг, он всегда выручает и помогает, а также раскрывает все свои тайны и рад поделиться своими дарами. Никто в нашей деревне лучше меня грибы не ищет, да и мест ягодных не знает. С морошкой и вовсе у нас всего одно болото, небольшое, но ягод там видимо-невидимо, потому что не шастает там никто. Правда, не была я там в это лето после урагана, но очень хотелось верить, что и теперь болото моё спрятано от лишних глаз и не пострадало сильно.

Сапоги резиновые у нас одни на всех. Потому что по болотам редко приходится бродить, а проливных затяжных дождей у нас давно не случается: всегда можно переждать. Говаривали, раньше дожди могли трое суток напролёт лить, но сейчас так не бывает. А сапоги - вещь дорогая, за ней надо в город ездить. Правда, батя не ездил: ему какой-то мужик подарил, проезжий. Отец этому мужику тогда коня вылечил, за что сапоги и получил. Ещё, вроде, и денег тоже тот мужик дал, но деньги - наживное, а сапоги - полезная вещь.

Так что они мне велики. Не люблю вообще надевать их: и вправду велики, неудобно очень. Не промокают, тепло в них всегда и ноги даже не потеют, но ходить приходится, как хромой. И ноги сгибать не удобно: выше колен у сапог голенище. Немного, правда, но выше. Ужасная обувь. Батя говорит, они зачарованы, оттого и тепло в них, и не текут они. Дескать, мужик тот проезжий магом был. Но я не верю в магов, да и единственное доказательство - непромокающие сапоги, - тоже мне, диковинка! Не дырявые и резиновые - вот и весь их секрет.

- Змей на болотах много, мне Дора говорила, так что без сапог не пуцу! - мать у меня иногда строгая, если что не по её делается, и в сплетни верит легко. - А если не пуцу, будешь шмотки стирать - вон их, корыто целое накопилось!

Я покосилась на корыто со сваленным в кучу тряпьем. Честно говоря, очевидного выбора тут у меня быть не могло: что стирать, что в сапожищах по лесу разгуливать - одинаково паршивое времяпрепровождение. Пришлось серьёзно задуматься. Заметила, как сестра смотрит на меня с надеждой: конечно, если уйду, стирать ей придётся, а если останусь - она гулять пойдёт, потому что со скотиной все дела переделала с утра. А вчера не рассказала мне, с кем гуляла! Пришла поздно, довольная, а не рассказала ничего! Она меня всего на полтора года младше, но красивей, веселей и потому поклонников у неё больше. Мне-то и своих хватает, просто интересно сплетни послушать, а она не поделилась...

Вот и поплатится! Исключительно из-за Веркиной вредности я и согласилась пойти в сапогах за морошкой в тот день.

Возможно, начало должно было быть совсем иным, поскольку, если б не пошла я за морошкой в сапогах в тот день, пошла бы на следующий. Потому что на следующий отец приволок огромную рыбу, которую меня бы заставили чистить, и я бы согласилась на всё, лишь бы отправиться в лес. Потому что рыба - тоже животное, хоть озёрное и мёртвое. И ковыряться в его внутренностях мне радости не доставляло. Но от рыбы я тогда ушла за ольховыми лучинами для копильни, так что получилось тоже неплохо.

В общем, история не знает сослагательного наклонения, так что было, что было: история началась с морошкового болота и ужасных сапог.

Поначалу я шла по той части леса, которую отлично знала. В том смысле, что бывала здесь так часто, что даже после урагана ничего нового для меня тут не было и быть не могло. Вон там раньше был ельник, но потом, после урагана, попадал, и теперь видны вывороченные корни, да глубокие следы тележек, на которых местные растаскивали дрова. Даже сейчас слышно, как кто-то пилит. Пришлось сворачивать на тропы и обходить то место: мало ли, кто там работает. Может, мужчина моей мечты, а я в этих сапожищах... Или брат моей подруги Олеськи - красивый и весёлый... Нет, лучше уж обойти...

Тропы я знала отлично, так что к болоту пробиралась в темпе. Проклятые сапоги мешались, но в целом я шла быстро.

До болота добралась без происшествий и с удовольствием оглядела никем не тронутые ягоды. Целое болото морошки! Не очень обширное, но как раз такое, какое мне под силу за сегодня обобрать. И перекушу заодно, а то некоторые ягоды переспелые совсем, не донесу до дому - подавятся.

Я присела на корточки и принялась собирать в корзину жёлто-оранжевые ягодки. Многие думают, что это скучно - сидеть и собирать по одной штучке, но для меня в лесу время пролетало незаметно. Уж лучше собирать ягоды, чем стирать бельё или возиться со скотиной. Пока лето не кончилось, я и вправду халявщица. А по осени грибы пойдут... До самых заморозков лес меня от домашней работы спасает, за что и люблю я его безмерно. А ещё он всегда защищает меня: ни разу мне не попадался дикий зверь. Сколько хожу - ни разу. Батя говорит, потому что Леший меня знает, и оттого зверьё меня стороной обходит.

А ещё я мечтать люблю. О ерунде всякой. О том, как однажды брат Олеськин, подруги моей, меня пригласит на свидание. Он пригласит, я знаю. Но точно, совершенно точно, пригласит не так, как надо. А ещё я знаю, что именно поэтому мечтать вредно. Мечтать надо о несбыточном, а о том, что непременно и так сбудется, мечтать нельзя, чтоб не расстраиваться потом. Но ничего не могу с собой поделаться, поскольку несбыточного в голову мне не приходит.

И сегодня я тоже мечтала. Мечтала о том, что будет через несколько дней, через неделю почти. А будет ночь, когда духи активизируются. В эту ночь всегда жгутся высоченные костры, а парни играют на инструментах и поют песни. Эта та редкая ночь, когда можно не спать до утра, а потом дрыхнуть полдня. Вот наступит такая ночь, и мы с Олеськой будем нарядные-нарядные...

Додумать я не успела. Успела только представить, что лично я буду в своём синем платье в мелкий цветочек и с лентами в тон, вплетёнными в волосы. И косу расплету, а то волосы мои прекрасные и не видно совсем, потому что в лес и дела по хозяйству делать с косой удобней. А в ту ночь все увидят, что волосы мои длинные, густые, цвета солнца на заре... Да, именно солнца и именно на заре... и именно так подумает Олеськин брат и непременно восхитится!

Да, мы с ней будем на высоте, краше всех будем! Особенно я, потому что Олеська, на самом деле, симпатичней меня и всегда одевается женственной. Если она обычно любит принарядиться, то...

Но про Олеську додумать не успела, потому что заметила что-то во мху, в кустах багульника. Это было нечто блестящее и тёмно-синее. Я тут же оставила ягоды и подошла к находке. Раздвинула в стороны кустики болотной травы и изумилась: изо мха торчала рукоять кинжала. Она и была отделана тёмными синими металлическими вставками, изображающими какой-то замысловатый ключ. Вставки эти тускло и благородно поблёскивали в лучах солнца, причудливо отражая свет. Я быстро схватила клинок и посмотрела повнимательней. Лезвие острое, начищенное - явно недавно эта штукавина здесь.

Стало не по себе. Что, если хозяин где-то здесь ещё бродит? В нашей деревне сюда дорогу только я знаю, а больше прийти неоткуда. Говорят, где-то за болотами город есть. Недалеко, вроде. Но с него к нам не приходили никогда на моей памяти, потому что провести через эти топи может только опытный следопыт, а таких мало. Ну, или магические какие-нибудь амулеты. Они тоже могут помочь болота пересечь, только существуют ли они вообще, лично я сомневалась. Батя говорит, что существуют, только дорогие они и редкие, поэтому в нашей деревне таковых нет. А если и есть, то люди помалкивают, чтоб никто их не обчистил.

Да и незачем к нам идти с города-то... Хотя, однажды же тот мужик, что сапоги батя подарил, тащился туда, в город... Это правда когда было! Много лет назад, лет десять точно - я уж и не помню того случая.

Опасливо огляделась и прислушалась. Вроде тихо. Вроде никого.

Поспешно спрятала клинок за пояс: так не потеряю, да и длинная рубаха отлично прикрывает - просто так не увидит никто. Поднялась на ноги и снова осмотрелась. Очень хотелось быстренько отсюда уйти, но я постаралась успокоиться. Дома можно соврать, что морошка не уродилась, но тогда надо вернуться раньше. Вернусь раньше - найдут мне работу. Нет, никого здесь нет. Можно остаться и дособирать морошку, пропадёт ведь... На болоте издали бы шаги слышала: никого нет.

Собрав волю в кулак, я продолжила собирать, только второпях и больше ни о чём не мечтая, а постоянно прислушиваясь и оглядываясь по сторонам.

Наконец, поляна опустела, и тогда я опрометью бросилась в сторону дома. Жаль, что в сапогах этих и не побегать толком. Наверно, со стороны я смотрелась забавно, но меня это не заботило. Следовало бежать без оглядки.

Только выйдя на дорогу я смогла идти нормально. Немного успокоилась и, удостоверившись, что никого рядом нет, достала клинок. Посмотрела на него, полюбовалась отсветами солнца на стали и убрала обратно. Никому не покажу и не расскажу про него. Надо будет сегодня же сходить к святому роднику и помыть его, а то мало ли, им убили кого и потому в болото и выкинули. Хоть следов крови и нет, но лучше уж перебдеть.

Так и сделала: донесла до дому корзинку, скинула сапоги, надела сандалии и побежала к роднику, где долго и тщательно мыла свой клинок.

Они были в пути уже почти полтора дня. Парень лет двадцати: сильный, подтянутый, крупный, но хмурый. И мужчина на вид ненамного старше парня, со спокойным сосредоточенным лицом, сухоощавый, стройный и хорошо одетый. Он шёл чуть позади парня, с интересом глаза по сторонам.

- Олан, может, стоит сделать привал, как выйдем, где посуше? - обратился он к парню.

Тот не ответил, и мужчина повторил вопрос громче. Тогда парень обернулся, движением руки убрав лезущие в глаза светлые волосы.

Его светло-карие глаза посмотрели на своего спутника с пренебрежением.

- Скоро уже дойдём. Вы уверены вообще, что потеряли в болоте, где морошка?

- Уверен, - ответил мужчина.

Парень хмыкнул, демонстрируя, что он думает об этой уверенности, и повёл дальше. Следопыт. Такого сложно отыскать в городе: специальность редкая и не очень нужная. Муж-

чине пришлось постараться, чтобы заполучить его: обычно следопыты идут в стражники, там такие всегда нужны, а то за преступниками не набегаясь по лесу, не зная тайных троп и не умея читать следы. Говорят, это дар. У кого-то есть, у кого-то нет. И научиться этому нельзя. Мужчина смотрел на широкую спину впереди идущего и не мог понять, почему этот парень оказался сейчас с ним.

- У тебя могло быть большое будущее, Олан, - заметил он.

- У вас тоже, ландграф, - ответил парень в тон ему. - О вас ходят такие слухи, что, думаю, вы могли пройти по болотам сами, вам ведь должно быть всё равно, погибнете вы или нет.

- Мне не всё равно, - зачем-то признался ландграф. - И все мои проблемы исправить я могу, а ты свои - нет. Как ты дошёл до этого?

Парень снова обернулся, смерив мужчину недобрым взглядом и ответил:

- Ничего вы не исправите. Я, может, и сдохну, может, и преступник, но точно никогда не ломал чужие судьбы.

- То есть, ты лучше меня, потому что не используешь людей? - уточнил ландграф.

Парень остановился и подождал, пока мужчина приблизится.

- Слушайте, Леон, мне плевать на вас. Нам обоим известно, почему я не перерезал вам горло ещё этой ночью, так что прекратите болтать со мной о жизни.... Она у нас с вами слишком разная.

Леон кивнул и дальше шёл молча. Он давно не общался с людьми - несколько лет прожил в своём дворце, лишь иногда навещаясь в город: то за продуктами, то за развлечениями. В остальное время он сидел за книгами и искал способ всё исправить. Это было трудно, ведь он плохо умел читать. Дислексия портила все его начинания, и на то, чтобы хоть что-то найти, уходило очень много времени. Благо, ему везло. Да, ему несказанно везло: он всегда открывал книгу на нужной странице, что весьма экономило бы время, если бы, опять же, не его дислексия. Он злился на себя так часто, что постепенно привык и перестал злиться совсем, выработав терпение и способность сохранять спокойствие. Теперь это ему здорово помогало в общении с Оланом.

Но удачи у него больше не было. Совершенно, как ему казалось. Нет, он не стал неудачником, просто как-то вдруг почувствовал, что обстоятельства больше не складываются так, как ему нужно. Причина была одна: он потерял свой клинок. Он не являлся оружием, но вещь эта досталась ему дорого. Он выложил за неё крупную сумму много лет назад. И этот клинок стоил ему не только денег, но и долгих душевных мук, к которым он был непривычен. Тогда он был другим. Или нет? Ему очень хотелось верить, что тогда он был другим и тот, прежний он, отныне в прошлом. Насколько это так, он пока не мог проверить: подходящих обстоятельств не случалось.

Собственно, из-за клинка и пришлось брать с собой следопыта. Леон в прошлый раз шёл один, дороги толком не запоминал, а потом набрёл на морошковое болото, через которое продаться не смог. Куда ни шёл - вечно возвращался к прежнему месту. Говорят, это лесной дух водит кругами. Но ландграф совершенно не помнил, что нужно делать, чтобы заслужить прощение лесного духа, и потому так и плутал, пока не решил вернуться в город и запастись знаниями: ему предстояло пройти долгий путь по лесам, и, если он не сумел добраться даже до ближайшей деревни, то плохи его дела.

Он вернулся на свои земли, в свой дворец, отыскал необходимые книги и принялся собирать информацию. Но она не находилась: книги больше не открывались на нужных страницах, листы прилипали друг к другу, а особо старые крошились под пальцами ландграфа. Тогда Леон обнаружил пропажу. Клинка не было на месте, и мужчина как-то сразу понял, что потерял его именно на том проклятом болоте.

Пришлось отправляться в город на следующий же день и искать следопыта. В городе Леона знали и не любили. Почтенно не любили, не открыто. Но всё равно никто не желал

помогать ему, и ни один стражник-следопыт из городской охраны не взялся идти с ним на поиски артефакта. Леон знал, что идти самому - совершеннейший бред, поскольку и клинок не отыщется, и сам он пропадёт.

И тут ему улыбнулась удача. Как тогда показалось. Потому что потом он не считал свой поход с Оланом такой уж удачей. Итак, ландграф покидал городскую тюрьму, расстроенный очередным отказом теперь уже последних в городе следопытов, как вдруг его руки коснулись чьи-то неприятно-шершавые пальцы. Это был какой-то дед, на вид бездомный и давно не мытый, с седыми волосами и странной одежде.

- Ищешь следопыта? - спросил тот хриплым больным голосом.

Леон кивнул.

- Тебе никто не поможет. Никто в здравом уме не свяжется с тобой, - сообщил дед ровным голосом.

Хорошо хоть без издёвки и без злых усмешек. Этим он сразу расположил ландграфа к себе.

- Знаю, - отозвался Леон, который действительно знал, что никто не станет ему помогать, но всё равно пытался найти проводника.

- Есть один, - шёпотом сказал дед. - Только он в тюрьме посиживает. И служить тебе не будет, - Леон молча разглядывал морщинистое лицо старика и внимательно слушал. - Никто не станет служить тебе... если только не напоишь его... этим, - он достал из кармана своего странного балахона какую-то склянку.

- Что это? - тихо спросил Леон.

- Зелье одно, - ответил старик. - Тот, кто выпьет его, не сможет причинить тебе урона, пока не достигните цели. Также не сможет отказаться от помощи в достижении этой цели.

- Сколько за него хочешь? - деловито спросил ландграф.

- О, не переживай, ничего за него не возьму, - отмахнулся дед.

Леон нервно сглотнул. Никто не помогал ему со времён юности, и просто так в добрые намерения он не верил. Старик, как и каждый в этом городе, отлично знал, кто он, и причин помогать ему у него не должно было быть.

- Есть какой-то подвох, да? - устало спросил Леон, не боясь показаться наивным: он давно уже прекратил стесняться того, что при всех своих грехах и пороках иногда бывает наивен и простодушен в общении.

- Нет подвоха, - ответил дед. - Если не считать подвохом то, что этот человек будет ненавидеть тебя и пытаться известить всеми доступными способами. Но не бойся, способов этих не много - лишь слова, но ты же умеешь держать себя в руках?

В тот момент это и правда не показалось ландграфу подвохом. Его ненавидели многие, но никто не решался говорить ему о своей неприязни прямо. Он посмотрел в выцветшие, почти прозрачные некогда голубые глаза старика и не удержался от уточняющего вопроса:

- Почему помогаешь мне?

- Может, я помогаю не тебе, а ему? - предположил старик. - Ему суждено умереть там, - он кивком указал на здание тюрьмы, и Леон тоже уставился на мелкие, заделанные решётками, окна. - Он сдохнет там, хотя может прожить долгую жизнь и быть счастливым. Я знаю это. Ты - его шанс. Он - твой. Он - заслуживает этот шанс. Ты - не знаю. Вот и посмотрим...

Это уже звучало правдивей. Ему не собираются помогать, его лишь хотят использовать, как инструмент помощи какому-то заключённому. Леон слегка улыбнулся: он любил, когда всё понятно.

- Хорошо, - кивнул ландграф, забирая из рук старика склянку. - Но как я вытащу его на волю?

- Завтра в ночь заступит новый караул, - пояснил старик, приблизив своё лицо к Леону, и ландграф наклонился к нему, чтобы тот мог говорить ему в ухо. - Трое. Два из них - продажные

твари, так что принесёшь деньги мне, я всё устрою... Будешь ждать нас вон там, - он указал на здание церкви.

- Ты священник, - догадался Леон.

Ландграф никогда не посещал церковь и потому понятия не имел, как выглядят местные священники. Но теперь ясно понял, что это - один из них.

- Да, - кивнул дед. - Я священник, а ещё немного колдун, - он подмигнул и улыбнулся, причём ландграф с удивлением заметил, что все зубы у старика на месте, хоть и пожелтевшие. - У меня есть доступ в тюрьму, так что я всё улажу. С тебя - деньги, - он протянул Леону бумажку с цифрой, означающей количество монет. - Завтра после заката приходи к крыльцу церкви, ясно?

Леон кивнул. Дед продолжил:

- Вещи собери. Себе и ему - сразу придётся уходить... И ещё: тебе его не продадут, как следопыта... Поэтому вопрос: ты же не очень радеешь за свою репутацию?

Ландграф посмотрел на него странно, с непониманием. Вроде же старику достаточно о нём известно, чтобы не задавать таких вопросов.

- Полагаешь, какие-то сплетни могут быть хуже правды? - осведомился он.

- Ну... как знать, - пожал плечами старик. - Слянку береги: он должен выпить содержимое из твоих рук.

- Хорошо, - ответил Леон, и старик отошёл на шаг назад, так что ландграф тоже выпрямился во весь рост.

- А теперь проваливай и будь здесь завтра к закату, - добавил дед не очень любезно и сел обратно на лавку, где, видимо, и сидел до того, как подошёл к Леону.

И вот теперь ландграф брёл по лесу с этим парнем. Он оказался довольно угрюмым. Улыбался редко, да и то лишь, когда пытался поддеть Леона. Мужчина шёл и вспоминал старца, который помог ему. В тот вечер, когда они встретились у церкви, все трое, и Леону пришлось силой заставить бывшего узника выпить зелье, поскольку тот ни в чём ему содействовать почему-то не желал, дед сказал ему кое-что странное. Олан не слышал: он в тот момент корчился на земле от действия зелья. Сам Леон был немало ошарашен: он полагал, что действие этой жидкости из склянки будет безболезненным, однако, видимо, ошибся. Ему не было жаль парня, просто он был удивлён и потому не мог оторвать от него взгляда.

- Слышь, - обратился к Леону старик. - Ты запомни: как только ударишь его, сразу запустишь цепь событий, и помирать будешь - он тебе не поможет.

- Что? - переспросил Леон. - Я не собираюсь его бить... Ты же сказал, он будет помогать, пока не сбудется Условие.

- Это да... - пробормотал дед. - Не хочешь - не верь. Ударишь его - жди беды.

- Я не ударю, - ответил Леон, которому всего лишь нужен был проводник: он не собирался с ним ни дружить, ни враждовать.

- Ещё как ударишь, - улыбнулся старик. - Врежешь по морде с разворота кулаком...

- Я изменился, - тихо ответил Леон, перебивая старика.

Тот только пожал плечами, показывая, что ему на самом деле плевать.

Сейчас Леон шёл и думал, что пока всё под контролем. Да, Олан - не подарок, но вполне можно пройти с ним путь до болота. Там этот следопыт отыщет его клинок - и всё, можно будет разойтись. Главное, чтобы этот тип не решил убить его, ведь чары падут сразу, как клинок вернётся к нему, и тогда возможны любые варианты. Ландграф думал об этом с того самого момента, как напоил зельем Олана и поставил Условием то, что к нему вернётся артефакт. Наверно, обратную дорогу он нашёл бы и без следопыта, только вот назад Леон возвращаться не собирался. Его путь был другим. Хорошо бы уговорить Олана пойти с ним - такой попутчик бы очень пригодился, даже если и ненавидит его. Можно попытаться раздобыть в ближайшем

поселении похожее зелье и снова заставить парня выпить. Правда, тогда, около тюрьмы, у него были связаны руки, иначе бы ландграф с ним не справился: Олан был крупнее и сильнее. Но руки можно связать, предварительно опоив снотворным. А потом, как проснётся, влить ему в глотку зелье с новым Условием. План был довольно хорош.

- Что будешь делать потом? - спросил Леон.

Олан обернулся, снова отбросив с лица непослушные пряди, и переспросил:

- Когда освобожусь от чар и от вас?

"Освобожусь от вас" прозвучало двусмысленно, но ландграф ничего не сказал по этому поводу.

- Да, - неопределённо ответил он. - Когда освободишься, куда пойдёшь? Ведь в город тебе опасно возвращаться?

- Подальше от вас пойду, - отозвался Олан, продолжая путь.

Он ненавидел Леона. Когда его вывели на ночь глядя из камеры, он мог предположить много нехорошего, что могло ожидать его. Но действительность оказалась паршивой. Наверно, не самой паршивой из всех возможных: стражники почему-то отпускали сальные шуточки, пока вели его, и это наводило на невесёлые мысли. Так что, когда его вывели на улицу и притащили к церкви, где ожидал ландграф и священник, это показалось благодатью. Ненадолго, правда. Потому что тут же его попросили выпить какую-то дрянь, а учитывая слухи, ходившие и о священнике, и о Леоне, пить что-то, предлагаемое ими, не хотелось совершенно. Ландграф оказался ловким и довольно сильным. Прижал к стене и своими пальцами открыл ему рот, второй рукой достав какой-то флакон, откупорил его зубами и влил содержимое, зажав Олану нос, чтобы точно проглотил всё до капли. Мерзкий подсолёноватый вкус чужих пальцев он запомнил едва ли не ярче отвратного зелья. Олан был зол и изловчился пнуть коленом в живот ландграфа. Правда, он так и не увидел, был ли от этого толк и как отреагировал Леон: в голове всё помутилось, перед глазами мир начал раскалываться на части, в ушах загудело и заклокотало. Парень схватился за голову и повалился на землю. Было больно и страшно, поскольку он и представить себе не мог, для чего эти двое вытащили его из тюрьмы и почему всё это сейчас происходит с ним.

Священник под шумок удалился. У него были свои планы на этот город, и ему следовало поутру сдать продавших Олана стражей. Да, за ландграфом и узником тут же отправят погоню, но до них старику не было никакого дела: они свою функцию выполнили, а именно: показали, что стажи продажны, система наказаний несовершенна, а пороки правят этим миром. Леона следовало убрать, но и это Ролан не считал своей заботой. Леон - проблема Иржи, а не его.

Олан не помнил, сколько времени прошло, прежде, чем он сумел подняться на ноги. Священник уже куда-то сгинул, а Леон постарался всё доходчиво объяснить. Хотя Олан до сих пор не простил Леону его выходки, действие зелья вынуждало помогать ему. Парня возмущала мысль, что этот ландграф может думать, будто есть ещё какая-то причина, кроме магии, почему он идёт с ним.

- А ещё, когда освобожусь, сделаю всё, чтобы вы поскорее сдохли, - сообщил Леону парень, подумав.

Он обращался к Леону на "вы", хотя ничуть не уважал его. Это было привычкой, обращаться так к тем, кто знатней и имеет власть. У Олана это выходило случайно, он даже не замечал этого, поскольку, если б замечал, обязательно бы прекратил, чтоб Леон не думал, что его считают выше любого другого человека.

Мужчина больше ни о чём не спрашивал, поняв, что подружиться не получится. Значит, нужно как-то дойти вместе до деревни, а там действовать по ранее обдуманному плану. Этот план не очень нравился Леону, поскольку ему казалось, что он и вправду изменился, но теперь снова приходилось делать что-то подлое. Впрочем, если это и немного огорчало его, то всего лишь немного.

Шли ещё около получаса, пока, наконец, местность не показалась Леону знакомой.

- Мы близко, да? - спросил он нетерпеливо.

- Да, - ответил Олан раздражённо.

Он чувствовал, что по делу ему придётся выложить Леону всё, и это злило. Морошковые кусты уже виднелись под ногами, только ягод не было, обобрал кто-то.

- Была сама ягода морошка или кусты от неё? - спросил парень у Леона.

Это было первое, что он спросил за весь путь. Даже остановился, глядя на мужчину с надеждой. Ему очень хотелось, чтобы Леон ничего не нашёл, чтобы его артефакт, о котором он сообщил лишь то, что это клинок, никогда не был найден им. И пусть это означает, что ему, Олану, придётся скитаться с этим гадом - он всё равно порадует его неудачи.

Леон не очень понял, почему любопытствует парень. Но ответил, решив, что это надо для дела:

- Морошка была... рыжая...

Внутренне Олан возликовал: кто-то бродил по этому болоту. Этот кто-то наверняка нашёл клинок или же затоптал его так, что теперь его не отыскать! Никогда Леону не видать своей магической штуковины! Внешне парень позволил себе ехидную улыбку.

- Тогда плохие новости, Леон, - сообщил он. - По болоту кто-то шастал.

Он с удовольствием смотрел на физиономию своего спутника, ожидая реакции. Но Леон, скотина, и ухом не повёл, словно его ничуть не расстроил такой поворот событий. Он смотрел спокойно своими тёмными, чуть изумрудными глазами. Ландграф оставался внешне невозмутим, лишь немного заходили желваки на его скулах, выдавая скрытое напряжение. Леон быстро просчитывал возможные варианты. Хорошо, если этот кто-то не нашёл клинок. А если нашёл - тоже неплохо, ведь тогда есть повод прийти в деревню вместе с Оланом и снова зачаровать его.

- Мы должны найти этого человека, - сказал он ровным голосом.

Олан хмыкнул, недовольный тем, что не получилось расстроить ландграфа. Дальше идти пришлось ещё осторожней, чем прежде. Хоть деревьев было и меньше, зато под ногами стало опасно. Парень смотрел на чёрные проплешины во мху и надеялся, что артефакт Леона давно утонул где-то в трясине. Но проклятая магия заставляла его искать следы и пытаться помочь этому мужчине.

Парень дошёл до самого сердца этого морошкового болота и даже сумел увидеть одну не сорванную ягоду. Наклонился, сорвал и съел: она оказалась спелой и чем-то напомнила мёд. Наверно, эта ягода была переспелой для того, кто собирал их, и потому её оставили, поскольку не заметить эту янтарного цвета точку на зелёном фоне мха было невозможно. Олан провёл ладонью по мху. Он никому не говорил, но следопытом был необычным: не только читал следы на земле, но и отлично видел, что и как оставляло эти следы. Вот такой магией он обладал, хоть и не любил ничего сверхъестественного. Поэтому и молчал: мало, кто знал о его умении, только, пожалуй священник и знал. Олан не мог определить даже, благодарен он ему или нет, за то, что тот вытащил его из тюрьмы. Там били, унижали и отвратительно кормили. Здесь он мог дышать свежим воздухом и издеваться над ландграфом по мере сил. Пока удавалось не очень, но он толком и не начинал. Конечно, служить Леону следопытом было не самым лучшим времяпрепровождением, но всё же всяко лучшим, чем сидеть на нарах среди негодяев.

Парень передвинулся вперёд, сидя на корточках и продолжая держать ладонь на мху. Леон наблюдал за ним с интересом, и это отвлекало. Хотелось нахамить, чтобы этот ландграф прекратил пялиться на него за работой, но здесь всё было довольно просто, так что хамить Олан не стал: магия не позволила. Он узнал и спешил поделиться информацией, за что ненавидел себя. Будь его воля: ни слова бы не сказал этому человеку.

- Это мужчина, - сообщил парень. - Следы большие, довольно частые: не местный, наверно - ходил аккуратно, поэтому часто ступал. Давно ходил, дня три назад, следов почти не разобрать...

- Три дня? - переспросил он, задумчиво глядя на зелёный мох и не видя вообще никаких следов.

- Да, - кивнул Олан, перемещаясь ещё вперёд и левее. - Если полагать, что он среднего веса, то три дня. Если эльф - то совсем недавно прошёл, если толстяк - то давно, дня четыре. Так что три дня - если он обычный мужчина.

Леон благодарно кивнул, поражаясь способностям своего следопыта. В общем-то, не будь у этого парня таких способностей, ему бы сейчас гнить в тюрьме, а не бродить с ландграфом по этим землям.

- У тебя талант, - сказал он задумчиво. - Не знаю, зачем ты так распорядился своей судьбой: у тебя могло быть хорошее будущее...

Парень не ответил, словно мужчина обращался не к нему, и продолжил разглядывать мох.

- Знаете, я жил в деревнях, - сказал он, наконец, только вот не в ответ на слова ландграфа, а о деле: - И сапоги у них - нечастое явление.

Мужчина посмотрел на свою обувь как-то по-новому, будто для него было открытием, что деревенские не носят сапоги.

- Бросьте, это не оттого, что они нищи - просто у них другая жизнь, - поморщился парень: его раздражало, когда богатые жители городов мнили, что они цивилизованнее или обеспеченнее других. - Им не нужны многие вещи, без которых вы не протянете и дня.

Ландграф посмотрел на него странно. Он вроде и привык, что этот парень вечно дерзит и вечно напоминает, кто он, словно дразня и пытаясь заставить вернуть его за решётку, но всё равно иногда хотелось его ударить. Как сейчас. Мужчина даже сжал кулак, но вовремя остановился и спросил:

- Ты совсем не испытываешь благодарности?

- За что? - усмехнулся парень. - За то, что вместо положенных трёх лет в темнице я таскаюсь с вами и помогаю вам?

- Ты бы не протянул трёх лет и сдох там, - спокойно ответил ландграф.

- Лучше сдохнуть там, чем с вами здесь! - он презрительно сплюнул, показывая, насколько презирает стоящего перед ним человека. - То, что вы выкупили меня, не спросив, и то, что наложили чары, при которых я не могу вам ничего сделать, это подло. Так что молитесь лучше, чтобы, когда исполню долг, я нашёл себе развлечение по душе, и не стал мстить.

- Я не сделал ничего плохого... тебе, - уверенно сказал Леон, поскольку поведение Олана раздражало.

Он многим причинял зло, и они имели полное право ненавидеть его, но конкретно этому парню он ничего дурного не приносил: ни бед, ни страданий, ни лишений. За что этот вытященный из-за решётки следопыт ненавидел его, было ему совершенно непонятно и даже как-то обидно. За столько лет всеобщего презрения Леон думал, что подобное отношение к нему уже никогда не удивит, но ошибся: его спутник презирал его, не зная и половины его грехов, и это не могло не удивлять.

В ландграфе Олана раздражало всё. И ненавидел он его тоже за всё: за то, как тот вечно по-доброму общался, прямо глядя в глаза, за то, что всегда следил за собой, был опрятен и скромен, за то, как всегда умел находить выход из любой ситуации, не отчаиваясь и не паникуя; и особенно за то, как всё это помогало ему умело использовать людей. О нём ходило множество слухов. Каким-то Олан верил, каким-то - нет. Но суть сводилась именно к тому, за что он так его ненавидел: этому типу всё давалось легко, он был богат, самоуверен и мог подмять под себя любого. Ко всему прочему, каким-то немыслимым образом при их личном общении в эти полтора дня Леон умело носил маску скромняги, которого легко озадачить и смутить. Олан слышал о ландграфе давно, но впервые увидел у церкви. Тогда он уже заочно ненавидел Леона, и потому принципиально не согласился помогать ему. Он и представить себе не мог, что

эта скотина посмеет воспользоваться магией порабощения. Это была редкая магия, в которую парень не верил, пока сам не попал под её влияние. Проклятый ландграф мог оказаться ещё и магом - о нём и подобное рассказывали. Тогда от него живым не уйти. И особенно злило, когда Леон о чём-то спрашивал, словно хотел заставить поверить, что ему интересно и что он видит перед собой человека, а не просто инструмент для достижения цели. В этом Олана было не провести: он не уличная торговка, верящая во всякие рассказы, он умел выделять из сплетен суть и точно знал, что Леон - негодяй и, даже если не маг, верить ему нельзя.

- Стойте тут, я осмотрю болото, - сказал Олан, и Леон послушно остался стоять на месте.

Парень принялся расхаживать по болоту. Он легко проследил за следами и уже через полчаса обошёл всё в точности так же, как и собиравший ягоды человек. Он видел место, где лежал клинок, пока его не подобрали, но всё равно бродил ещё какое-то время, раздумывая. Нельзя расслабляться и нельзя ночевать под одной крышей с Леоном. Этот подлый гад может ещё что-нибудь придумать, чтобы подчинить себе окончательно. Становиться его марионеткой не хотелось. Может, это тоже слухи, но магией порабощения этот субъект обладал, говорят, отлично, и легко менял и убивал надоевших или ставших бесполезными слуг и любовниц. Леон пока не производил впечатление великого мага, но и об этом ходили отдельные слухи: он здорово умел прикидываться, втираясь в доверие. Правда, при всём при этом в городе ему не доверял никто, так что этим слухам парень верил слабо. И всё же стоило что-то придумать, чтобы не оставаться с ним спящим. Предложить ночью побыть на карауле? Придётся спать потом, а это опасно. Эту ночь в лесу Олан спал спокойно: у Леона были на него планы по поиску артефакта, а теперь он задумался над тем, что с ним сделает ландграф, когда он, Олан, станет не нужен. К несчастью, парень знал, что силен и молод, то есть вполне сгодится в телохранители. Да теперь ещё Леону известно, что он и вправду толковый следопыт. Вряд ли его просто так отпустят: он не знал наверняка, но догадывался, что обошёлся Леону недёшево.

- Ваш клинок точно у него, - сообщил он, наконец. - Придётся идти в деревню.

Это известие тоже подозрительно не разочаровало ландграфа.

2

Леон был кроток и скромно брёл за Оланом, пока тот не вывел его на дорогу, больше похожую на тропу. Мужчина молчал и о чём-то думал. Вокруг чувствовался простор: лес явно недавно пострадал от сильного ветра, и половина стволов лежала на земле. Большая половина даже. Зато солнце, наконец, грело. После болот и тёмного леса это казалось радостным изменением.

- Эта дорога приведёт нас в селение? - спросил Леон, глядя на широкую, но всё-таки, тропу, по которой они шли: по такой ни одна нормальная телега не пройдёт.

- Приведёт, - сухо ответил парень.

Деревня показалась на пригорке вдалеке сразу за поворотом. Леон подумал, что до неё довольно далеко от того места, где он потерял клинок. Местные, наверно, хорошо знают лес, раз ходят в такую даль по ягоды. Он постарался припомнить, что читал в книгах про ближайшие деревни, но проклятая дислексия не позволила ему толком ничего запомнить, а на бумагу он не выписал эти казавшиеся несущественными сведения. Сейчас Леон должен был вспомнить, бывают ли в деревнях маги. В городах - он точно знал - их довольно много и заказы они берутся выполнять охотно... если, конечно, не презирают заказчика. Здесь его, Леона, никто не знал, так что он мог рассчитывать на помощь. Только бы найти мага.

Ландграф поправил заплечный мешок, в который набрал провизии, одежды, денег и ценностей, которые ему не были дороги и которыми тоже можно было расплатиться в случае необходимости. Мужчина глянул на бодрого парня. Тот, хоть и оставался угрюм и мрачен, вышагивал так, словно не было позади столько часов пути. Сам ландграф порядком вымотался и не отказался бы отдохнуть, но не мог этого позволить: ещё предстояло найти место для ночлега, поскольку близился вечер. И не мешало бы разузнать про мага, а сапоги и клинок могут подождать и до завтра.

Но планам Леона было не суждено сбыться, поскольку вместо поиска мага пришлось всё же заняться поиском артефакта. Они уже вошли в деревню, как парень остановился около чьих-то ворот.

- Видишь, следы? - Олан указал на песок, где едва различимо угадывался один силуэт сапога, а чуть впереди и второй. - Здесь он прошёл недавно, наверно поутру, и спешил: шаги шире, чем на болоте. Только здесь не проследить, к какому дому ведут они: много следов от простой обуви, скота, колёс - деревня всё-таки... - он развёл руками совершенно без сожаления: ему было плевать, как ландграф станет выкручиваться.

- Тут не надо быть следопытом, - ответил Леон спокойно. - Вон этот человек, - он указал рукой на мужчину, который шёл им навстречу, как раз в тех самых сапогах.

- Может, тут у многих сапоги такие? - Олан не желал признавать неожиданно улыбнувшуюся удачу, хотя понимал, что ошибка вряд ли возможна.

- Нет, это он, - уверенно заявил Леон.

Мужчина в сапогах шёл с ведром и, стоило ему поравняться с путниками, как ландграф заговорил, внимательно глядя в лицо, обрамлённое густыми чёрными с проседью волосами:

- Приветствую, селянин, - учтиво кивнул он. - Не подскажешь, где можно заночевать?

Макар поглядел на чужеземцев пристально, прикидывая, кто такие. Вроде одеты хорошо. Один молодой совсем, другой постарше. Явно при деньгах. Да и к тому же, таким, как эти, помогать очень полезно: они, городские, любят мнить себя щедрыми, и потому помимо оплаты вечно даруют разные полезности. Это Макар знал отлично. И в людях его жизнь научила хорошо разбираться: его учтивыми манерами, голосом и шмотками не обдурить было. Перед ним стояли не закоренелые преступники, это он мог точно сказать. Остальное - не его дело.

Опасности от этих двоих ждать не стоило, а уж кто с какими грехами живёт - вообще его не касалось, все когда-то в чём-то ошибались.

- Гостиниц нет у нас, - буркнул Макар, не приемлющий пустой вежливости. - Трактиров тоже нет - мы деревня самодостаточная, трактов не проходит поблизости. Коли переночевать надо - могу постелить на сене в амбаре, не зима вроде, не замёрзнете.

- Конечно, - снова кивнул Леон. - В амбаре - полностью устраивает.

Ему было неважно, где - лишь бы поближе к этому человеку. Спать можно и в амбаре, главное - их пригласят к столу и можно будет всё вывести. Возможно, даже отыскать клинок и на что-то обменять, ведь, по сути, не было для селянина разницы: что этот клинок, что любой другой. Следовало лишь напоить мужика, втереться в доверие и уговорить поменяться. Отбирать такую вещь нельзя, да и не получится. А вот наврать про семейную реликвию можно. В это легко поверят: потерял и теперь ищет, страдает, поскольку это последняя память о его, скажем, умершей бабке. Примерно так видел дальнейшее развитие событий Леон, слегка улыбаясь Макару и показывая, что согласен на любую ночёвку.

Макар смотрел с прищуром. Боролся с сомнением: сказать, что в других домах им постелят в комнатах или умолчать? Он бы и сам постелил, только дочери у него как раз в том возрасте были, что опасно незнакомцев в дом на ночь приводить, могут к ним и наведаться. Младшая особенно, от неё Макар всего ожидать мог. Да и Мила - кто её знает, что у неё на уме. Может, потому и не крутит она с местными, что ждёт прекрасного незнакомца. С неё станется. Нет, домой этих пускать - не вариант. Поужинают - и пусть валят в амбар.

Он снова оглядел их, и решил, что обойдутся: сами думать должны. Он им предложил - они согласились, их проблемы, что получше варианты не подыскиали.

- Погодьте здесь, - снова буркнул он. - Рыбу сейчас соседу отнесу, да вернусь.

- Удачная рыбалка? - спросил Леон, заглядывая в ведро и замечая, какая крупная рыба в нём лежит.

- У хорошего рыбака всегда удачная рыбалка, - отозвался Макар, продолжая свой прерванный путь.

Когда он отошёл на приличное расстояние, Олан тихо спросил:

- Думаешь, у него?

- Не знаю, - ответил ландграф. - Он был на болоте. Если клинок нашёл не он, то он мог видеть кого-то ещё там: это болото вряд ли часто посещается людьми. В любом случае, обоснуемся у него.

- Он рыбак, - заметил Олан, сам не зная, почему вдруг решая поучаствовать в поиске клинка больше, чем следовало бы при его неприязни к ландграфу. - Он мог одолжить сапоги у кого-то другого, чтобы сходить на рыбалку.

Леон кивнул, признавая правоту домыслов. Да, такое возможно, но в любом случае этот человек знает много полезного. Если не про клинок, то про сапоги.

Олан рисовал узоры на песке носком ботинка. Эта пыльная дорога хорошо хранила следы людей, он мог бы многое по ним прочесть, если бы требовалось. Но парень просто рисовал непонятные линии, размышляя о том, что найти артефакт поскорее - очень выгодно, тогда он сможет избавиться от ландграфа. Не в том смысле, что убить, а просто уйти от него. Может, даже стоит остаться в этой деревне: рыбак, вон, рыбы наудил, и он, Олан, сможет, а значит уже с голоду не помрёт. Лес с болотами отделяет от города: на лошадях не проедешь, а пешком полтора дня пути, и то, если дорогу знать. Хорошее место, чтобы остаться здесь. Обокрасть ландграфа, если он не вздумает отдать мужику за постой все деньги, и на первое время хватит. Он парень молодой, с руками, может наняться кому в помощники за кров и кое-как перезимовать грядущую зиму. По весне расстараться и следующую встретить в собственном доме. Только печи дорого стоят, а сам класть он их не умел. Но печь в любом случае потребуется, хоть в этой деревне, хоть в другой. В этой хоть ландграф создаст своим присутствием хорошую

репутацию, если не наворотит дел. Да, если всё пройдет гладко, Олан твердо решил остаться тут и начать новую жизнь.

Макар вернулся к ожидавшим его людям и повёл их к своей избе.

- Нечасто встретишь такую обувь в деревне, - нарушил молчание Леон, поглядев на сапоги так, словно только заметил их.

- Да уж, - ответил мужик. - И без них бы обошлись. Раньше-то обходились, пока один чудак не подарил за помощь.

- Не очень любите городских? - добродушно поинтересовался Леон, уловив в голосе собеседника пренебрежение.

Мужик чуть замедлил шаг, вглядываясь в лицо ландграфа. Тот был спокоен и дружелюбен, словно его ничуть не задевало, что таких, как он, этот человек не жалует. Макар немного устыдился: и вправду, чего на этих двоих нападать с ходу? Они ночлег попросили, ему с ними не жить - нет ли разницы, откуда они и кто? А что думают, раз одеты покраще, так и живут, стало быть, лучше, так то их дело. В общем, решил он не обижать своих гостей.

- Неважно, где живёт человек: и там, и у нас сброду хватает, - ответил Макар. - Идите в амбар, вот ключ.

Он вынул из кармана своей вязаной жилетки крупный ключ и протянул Леону, справедливо предположив, что из этих двоих главный он.

- Спасибо, - поблагодарил ландграф и спросил, улыбнувшись: - Вы всегда его с собой носите или просто нам так повезло?

- Не всегда, - пробубнил Макар. - Рыбу сушёную снимать ходил, вот и забыл в доме ключ повесить. Располагайтесь, скоро принесу одеяла да простыни. Подушек нет лишних.

Он указал в сторону амбара: бревенчатого строения, стены которого посерели от времени и от отсутствия краски. Мужик направился в свой дом, а его гости - в предложенный амбар. Леон оглядел здание с интересом и заметил:

- Не бедно живёт дядька...

Олан одарил ландграфа презрительным взглядом:

- А вы думали, тут все нищие и только и ждут чьей-то благодати?

- Нет, - ответил Леон. - Я просто прежде не бывал в таких деревнях.

Олана иногда бесила невозможность вывести ландграфа из себя, и он злился от этого. Как сейчас. Очень хотелось сказать что-то колкое, но что, он не представлял. Что может задеть его? Чем можно обидеть или разозлить? Они всего полтора дня, как знакомы лично, и Олан не представлял, как причинить ему хоть какой-то моральный дискомфорт. Ещё казалось, что ландграф всё замечает и специально не поддаётся на провокации.

Леон тем временем отпер внушительного размера замок и открыл дверь, которая поддавалась с трудом, поскольку была какой-то перекошенной, и приходилось чуть приподнимать её за большую деревянную ручку, и только тогда внешний край не волочился по земле. Замок мужчина повесил на эту самую ручку, а ключ оставил при себе.

Внутри оказалось темно, пахло вяленой рыбой, сушившейся под потолком, и сеном, валявшимся на полу. Амбар разделялся на три закрома деревянными перегородками: в одном хранилось сухое сено явно свежее, заготовленное на зиму, в другой какие-то мешки и ящики, а в том, что был самым первым, только рыба и старое сено. На это самое старое сено тут же и повалился Олан, едва сбросив с плеч рюкзак.

Он растянулся во весь рост, довольно улыбаясь.

- До ужина я успею кого-нибудь себе найти, - заметил он. - Вы же не против переночевать в соседнем закроме, - он кивнул головой на перегородку.

Очень хотелось, чтобы Леон поверил и согласился ночевать в разных углах. Тогда можно закрыться и не бояться, что этот маг что-то предпримет. Вроде бы сквозь стены маги ходить не умели, а двери между закромами имели засовы.

Леон поверил легко, но ответил без тени раздражения:

- Мы здесь не за этим.

- Бросьте, ландграф, - парень широко улыбнулся. - Я неделю сидел в тюрьме, пока вы не встряли... вы должны меня понять.

Ландграф тоже сбросил свой рюкзак и посмотрел на парня задумчиво. От следопыта толку не было. Здесь он помочь не мог: предстоящий ужин, перед которым следовало отдохнуть, он выдержит и сам. Хотя, вряд ли этот тип пропустит ужин...

- Завтра утром ты мне нужен, - сказал Леон, наконец. - Бодрым нужен, ясно? И не смей делать ничего, что может испортить отношение селян ко мне, иначе пожалеешь.

Ландграф угрожал редко. Это был первый раз, когда он говорил, что лучше не слушаться его, и потому Олан верил, что мужчина не брешет. К тому же, люди в городе поговаривали, он жесток. Проверять не хотелось.

- Ну а сами? - полюбопытствовал парень, и его глаза хитро блеснули.

- Я не сидел неделю в тюрьме, - напомнил Леон.

- Ну и что? - пожал плечами Олан. - Приобщитесь к природе, так сказать... Сено, - он взял щепотку травы, поднёс к носу и понюхал. - Романтика... Или меня стесняетесь? - он прищурился. - У них овин есть, если что, справа от дома, - он подмигнул ландграфу. - Серьёзно, стоит расслабиться, ведь ночью мы всё равно ничего не найдём. Спать или развлекаться - выбор за вами. А если так печётесь о том, чтобы о вас хорошо думали - просто тщательней выбирайте подругу, вот и всё. В городе я о вас много слышал - можете не прикидываться благочестивым.

Олану хотелось, чтобы Леон почувствовал себя хоть немного уязвлённым от того, что он, мальчишка, пытается учить его и что ему известно о его похождениях. Он полагал, что это будет звучать хоть немного обидно, но Леон, кажется, ничуть не обиделся. Наоборот, он спокойно ответил:

- Везде есть женщины, готовые за деньги провести с тобой ночь. Их несложно найти: достаточно осторожно спросить об этом у хозяина дома, и он подскажет. Не переоценивай своё обаяние, Олан, за те часы, что остались до заката, ты никого себе не подыщешь.

Олан нахмурился. Конечно, это было и позитивной новостью: ландграф готов заплатить, чтобы он развлёкся, но печалило, что совершенно не получилось его обидеть.

Дверь со скрипом широко открылась: Макар принёс одеяла и простыни, как и обещал. Он, видать, давно приноровился к особенностям этой двери, так что отворил её легко.

- Вот, - он бросил принесённое рядом с Оланом. - Ужинать приходите с закатом. Надо ещё что?

- Да, - ответил ландграф просто. - Мы с братом очень устали и хотели бы скрасить холод ночи с какой-нибудь... дамой. Если это возможно и не осуждается в ваших землях, разумеется. Не хотелось бы никого порочить, знаю, что в некоторых городах...

- Шлюх у нас нет, - отрезал Макар, и на миг Леону показалось, что сейчас их выгонят вон. - Гулящие есть. Позвать? - спросил он прямо, поскольку витиеватые выражение незнакомца раздражали его.

- Да, - коротко ответил Леон, смутившись того, что долго формулировал, и этим, видимо, утомил мужика.

- Предложишь деньги - оскорбишь, - пояснил Макар существенное отличие. - Подарки примут. На рожу не понравишься - уйдут. Ясно? - Леон кивнул, и Макар, посмотрев на обоих, продолжил, чуть более мягко и одобрительно: - Хотя, на вид вы ничего, смазливые, думаю, не откажут.

Он хмыкнул, развернулся и пошёл обратно в дом, оставив постояльцев наедине.

- Паршивый вы дипломат, - хихикнул парень. - "Холод ночи", - передразнил он. - Ну и загнёте вы иногда, думать же надо, с кем говорите. Этот мужик вас прибить уже готов был, лишь бы поскорей понять, что надо от него! - Олан веселился.

Леон вздохнул. Да, он не очень умел общаться с людьми и находить с ними общий язык. Ему казалось, что он вежлив, но этого никто никогда не ценил. А Олан вообще улыбался так, словно его ошастливило то, что ландграф почувствовал себя идиотом.

- И всё-таки за ужином говорить буду я, - сухо сказал Леон, принимаясь растряхивать шерстяное одеяло и расстилать простынь. - И спать я буду здесь, а ты можешь валить в свой овин.

- Да я могу и тут, я не стеснительный, - нагло отозвался Олан, почувствовав, что впервые получается нервировать Леона.

- Бери вещи и проваливай, - тихо, но строго сказал ландграф.

- Ладно, - парень быстро вскочил на ноги и принялся собирать свои вещи: одеяло, простынь да рюкзак. - А вы быстро учитесь: "проваливай" - это уже по-нашему!

Леон не ответил. Ему хотелось побыть одному: эти полтора дня были невыносимыми. Парень постоянно пытался подкалывать и прощупывать, где слабое место. Это порядком раздражало. Пожалуй, его идея расслабиться этой ночью - единственно полезная из его идей. Не будь он следопытом, никогда бы ландграф не пошёл с ним в поход. Одно радовало - хоть ночь пройдёт спокойно, без глупых шуток и присутствия Олана.

3

Сегодня получился неплохой день. Отличный даже, можно сказать. Потому что днём я ходила в лес за ольховыми лучинами, а это довольно далеко: ольха у нас дерево редкое, просто так не сыщешь; а после обеда мать отпустила меня к Олеське - подружке моей. У неё мне планировалось и отужинать, и остаться ночевать. На чердаке. Олеська сама спит в комнате, как все нормальные люди, но, когда мы собираемся вместе, ночуем всегда на чердаке. Там страшнее потому что. А потом, когда все засыпают, с окна чердачного легко можно перебраться на сарай, с сарая - на дровенник, а потом прокрасться в амбар Олеськин и там погадать или повызывать духов. Говорят, магия существует, но мы с Олеськой не очень верим. Потому что не встречали её никогда. Вот духов пару раз вызвать удавалось - это да, только они с нами не говорили, а пугали только ветром да воем заунывным. Но уже результат. А на картах погадать - вообще прекрасное дело. Только в доме карты не позволяют доставать. Ни играть, ни гадать - только на улице или в амбаре, сарае, да в прочих хозяйственных постройках. Так что мы всегда выбираем амбар. Или наш, или Олеськин. В нашем всегда можно рыбку пожевать, а в Олеськином - мясо. У них кошек много - мелкой рыбы не остаётся, а мясо вялят. В общем, день сегодня обещал закончиться приятно и весело. Всё бы было совсем хорошо, если б не встретился нам с Олеськой её брат за ужином. Ужинали у них в семье раньше нашего. Не знаю уж, почему, но всегда так было. А брат её вечно опаздывал: он с моими дружил, и потому не хотел покидать их раньше времени.

- О, Мила, и ты тут! - поприветствовал он меня, усаживаясь за стол. - А чего не у себя?

- Да вот, - ответила я неопределённо. - Дела все переделаны, у вас заночую.

- Ну молодец, - уважительно кивнул он. - А то, думал, как все, побежишь на гостей смотреть.

Я ничего не поняла и переспросила:

- Кто - все? На каких гостей? - но то, что он похвалил меня, было приятно.

Он красивый на самом деле. Его тоже, как моего, Сенькой зовут, но он моего брата больше и выше. И не такой оболтус. Олеська говорила всегда, что я влюбилась, а я отнекивалась, потому что признавать этот факт не желала. И сейчас я бы смутилась от его похвалы, если б не любопытство.

- Да припёрлись двое, - ответил парень, поправляя свои лохматые русые волосы рукой.

- Батя твой их ночевать оставил, ещё и девок посулил подыскать, хотя чего их искать: их вон, уже человек семь отыскалось, всем интересно чего-то новенького попробовать.

Я фыркнула почти одновременно с Олеськой. Да, моральные устои в нашей деревне не у всех на уровне, но даже обидно как-то, что на новеньких мужчин такой спрос. Спрос, конечно, не потому, что они новые люди, а потому, что эти точно без подарков не оставят, а как некоторые у нас считают, если всё равно спать, так уж лучше с тем, от кого хоть чего-то получить можно, материальное и уникальное.

Ну и ладно, это не нашего ума дело. Раз батя оставил у нас - значит польза с них будет и нашему дому. Или просто приглянулись ему: он в людях толк знает, а о нравственности не заботится и в чужие дела не лезет. "Мне, - говорил он иногда, - плевать, скольких он поимел, главное, чтоб человек был хороший - тогда помогаю. В корень надо смотреть, а не на то, кто и как удовольствие получает". Мне его логика была чужда, но это, наверно, в силу возраста.

- Ну а нам-то что? - спросила тем временем Олеська. - Ну припёрлись, ну ночуют, ну и что?

- Да ничего, - ответил Сенька. - Я ж и говорю: молодцы, девки.

Мать Олеськина подала ему плошку с горячим супом и краюшку хлеба, так что всё, что мы слышали от него дальше, так это только чавканье.

После ужина на чердак не пошли, естественно. Потому что на постояльцев было посмотреть интересно. Прокрались к моему дому. Смеркалось уже, скоро мои все ужинать соберутся. Надо было спешить.

Заглянули в дом, но никого там не увидели, кроме своих. Огляделись, и Олеська заприметила, что у амбара замок снят и висит на ручке.

- Там, наверно! - воскликнула она и тут же зажала себе рот рукой: надо было действовать тихо.

Подошли к амбару почти на цыпочках, чтобы никто не заметил. Но признаков жизни не было: ни разговоров, ни шорохов. Может, и были там гости, но дверь плотно закрыта - не подсмотреть. Мы тоскливо побрели и засели под окнами, в кустах сирени. Скоро ужин, а, значит, гостей всё же увидеть получится. Правда, через стекло только, и придётся быть осторожными, чтоб никто не заметил.

Сидели довольно долго, или так просто показалось: когда сидишь и ждёшь, да ещё и не поболтать, время медленно течёт. И кусты, как назло, сирени... Был бы, например, крыжовник - я б и неспелый поела от нечего делать. А так... скучотень!

Но вот послышались голоса в кухне, и мы с Олеськой приободрились. Подождали, пока все рассядутся за столом, и приготовились подсматривать и подслушивать.

Олан отлично вписался в быт этой семьи, словно каждый день он сидел на этом самом стуле за этим самым столом и ужинал с этими людьми. Он молчал, потому что знал: говорить - подыгрывать Леону. К тому же ландграф по какому-то недоразумению полагал, что умеет разговаривать с людьми. Олан замечал, как Леон теряется, если его не понимают или реагируют не так, как он полагал, так что сейчас следопыт предвкушал удовольствие. Он сидел и поглядывал на Леона, ожидая, когда же тот начнёт неумело визнавать о своём клинке. Что это будет неумело - Олан знал наверняка, и что ландграф обязательно почувствует себя дураком - тоже.

Леон сперва поел, поскольку и правда проголодался и не видел причин скрывать этого. Он ел, исподтишка разглядывая всех присутствующих. Два парня отужинали быстро, поблагодарили хозяйку и куда-то ушли, совершенно не заинтересовавшись появлением гостей. За столом осталась медленно ковыряющая ложкой в тарелке девица лет семнадцати, да хозяева дома. Ну, и Олан, который то и дело лукаво улыбался Леону. Мужчине было необходимо начать всё визнавать и, опасаясь, что их попросят из-за стола в любую минуту, он решил начать разговор.

- Знаете, у нас обычно едят молча, когда на что-то обижены, - сказал Леон, застенчиво улыбнувшись хозяйке.

Та в ответ улыбаться не стала и ответила:

- У нас едят быстро, чтоб свечи не тратить, так что не до болтовни.

- Почему бы тогда не ужинать до заката? - резонно спросил ландграф.

- Пока светло, дел много, надо успевать всё, - ответила женщина, и Леон поймал на себе ликующий взгляд Олана.

Похоже, следовало заткнуться и есть или проваливать из-за стола. Ландграф устремил взгляд в свою тарелку и принялся есть, смущённый тем, что снова сделал что-то не так и этим позабавил Олана. Тем более тот, кажется, предвидел это.

Макар поглядел на гостя и даже немного проникся к нему жалостью. Он показался хозяину дома каким-то совсем неопытным. Даже не только в жизни, но и в общении. Почесав небритый подбородок, Макар решил, что раз этому мужчине хочется поговорить, не стоит ему отказывать. Тем более, заплатил он за ночь очень много, больше, чем следовало. На эти деньги можно нанять паромщика, и тот перевезёт на другой берег реки, а там добраться до города и закупить всяких занятных и полезных вещей.

За это стоило помочь ему, а то он показался совсем понурым, уткнувшись в свою тарелку и не поднимая ни на кого взгляд. Наверно, подумал, что был навязчив или что ему ответили резко.

- Не обижайся, - жуя, обратился к нему мужик. - Как звать-то тебя и брата твоего? - решил он начать разговор.

Леон посмотрел на него своими тёмно-зелёными, какими-то даже чёрно-зелёными глазами и, кажется, обрадовался. Мысленно Макар хмыкнул: вот чудной человек.

- Я Леон, - представился ландграф. - Моего брата зовут Олан.

- Странные имена, - признался хозяин дома. - Меня Макар кличут.

Леон хотел было что-то ответить, но голос Веры перебил его мысли. Девушка не решилась представиться, но сказала:

- Брось, пап, нормальные имена, красивые даже, не то, что у наших деревенских.

Макар посмотрел на дочь строго, но ничего не сказал. Он считал, что вырастив дочерей до шестнадцати лет, и так сделал для них много. Дальше думать должны были своими головами, благо, он в эти головы постарался вложить как можно больше ума. Замуж не гнал, но и в личную жизнь не лез. Жена его поддерживала.

Насчёт этой ночи Макар был спокоен: гостям он женщин обеспечит, так что Вера ни к одному из них не сунется, а вот потом...

- Надолго вы у нас? - спросил Макар, рассудив, что раз уж говорить, можно и вывести чего толковое.

- Да нет, - ответил Леон. - Дня два - не больше. Думаю, это единственная ночь, которую мы проведём у вас. Возможно, конечно, и следующую, а поутру двинемся дальше.

Ландграф замолк, решив, что вполне ответил на вопрос, а Макару большего знать и не нужно было.

- О чём говорить-то с вами? - прямо спросил хозяин, которому всегда нелегко давалась пустая болтовня.

Леон потупил взгляд, но ответил:

- Не знаю... Ты говорил, сапоги тебе за помощь подарили. Расскажешь?

- А чего бы и не рассказать? - почесал затылок Макар, отставляя пустую тарелку, в которую хозяйка тут же положила что-то ещё. Что именно, Леон не смотрел, весь обратившись в слух: - Зима стояла тёплая в тот год, вот один городской маг...

- Маг? - удивился Олан.

- Ну... - замялся Макар. - Я думаю, что маг... Он пожаловал к нам с той стороны реки. Вроде спешил куда или от кого - кто ж его знает. Но конь его под лёд ушёл... по весне дело было... Благо неподалёку я рыбу удил в проруби. В общем, подсуетился я тогда... - Леон оглядел мужика: сильный, широкоплечий. Такой пожалуй, мог помочь с конём, и при желании вытащить животное из ледяной воды. - В общем, простыл его кабысдох, да ногу сломал, пока мы с этим мужиком его вытаскивали. Я его коня подлечил, а мужик этот за ним воротился потом, полгода почти спустя. В город он ходил, что за болотами нашими. Никогда никто не шастал туда, один раз вот было, так, видишь, как оно с конём приключилось... Да и всё равно бы конь не прошёл там... А мужик на обратном пути его излеченного и забрал. В общем, за то мне сапоги и перепали. Много тогда добра он отвалил за свою животику...

- Сапоги - полезная вещь, - кивнул Леон, словно кроме, как про сапоги, ничего не услышал в этой истории. - Часто носите?

Макар нашёл вопрос странным, но этот человек и без того казался непонятным, так что не очень-то мужик удивился и ответил:

- Да, вещь хорошая. Мне - на рыбалку сходить, дочка вот, в лес надевает, когда в болота идёт - змей нынче, говорят, много.

- Да, много, - деловито кивнул Леон, хотя на самом деле им с Оланом не встретилось ни одной змеи.

Мужчина посмотрел на сидящую напротив Веру. Кажется, он был ей интересен. Это хорошо. Раз по болотам ходит она, то и клинок, скорее всего, у неё. А раз он ей интересен, можно будет её разжалобить историями о семейной реликвии и вернуть себе артефакт. Даже хорошо, что клинок не у мужчины: с женщинами проще договориться, и они не так строги: любую оплошность и неверно сказанные слова воспринимают с улыбкой, если замечают смущение и чувство неловкости, которые он так часто испытывал, ведя с кем-то разговоры.

- Вы совсем не ходите в болота сами? - спросил Олан в надежде, что сейчас умиротворение сотрётся с лица ландграфа ответом хозяина.

- Привычку говорить "вы" оставь там, откуда пришёл, - ответил Макар. - А в болота хожу только по осени - уток стрелять диких, да гусей. Дочь любит лес, и он платит ей тем же, так что ходит в него она, так пользы больше.

Леон не сдержал лёгкой улыбки, весьма довольный тем, что на эту улыбку любит Вера. Тут же подумал, что зря поддался искушению и пошёл на поводу у Олана: женщины не прощают, если тот, кто приглянулся, спит с другой. Это означало, что сегодняшняя ночь должна пройти в одиночестве, только было поздно отказываться, да и какая разница теперь: что хотел и отказался, что всё-таки согласился, наверняка всей деревне уже всё известно. По мнению Леона разницы не было никакой: Вера уже знала, что он не избирателен в связях, и это могло всё испортить, поскольку самый простой способ вернуть артефакт - очаровать девчонку.

Мужчина прикусил нижнюю губу, раздумывая, как выкрутиться. Вроде Вера была симпатичная, и можно было попытаться охмурить её, только, кажется, эта идея не пришлась по душе Олану. Леон заметил, как парень смотрит на него, и сразу понял этот взгляд. Что ж, с Верой можно разобраться и позже. Главное - он нашёл того, кто мог подобрать клинок. Оставалось понять, у неё он всё-таки, или она успела его куда-то деть.

Мужчина посмотрел на девушку внимательно, излишне пристально. Ландграф в последние годы жил изгоем и с людьми общался нечасто, так что промахи у него случались: то не то скажет, то не так поглядит. С тех пор, как ему показалось, что он изменился, Леон старался говорить мало, а если говорить - то правду. Это было легко ровно до того момента, пока позавчера он не познакомился с Оланом. Пришлось быстро возвращаться к прежним привычкам.

Похоже, сейчас он снова проявил свою одичалость, поскольку Вера застеснялась от его взгляда и неловко принялась поправлять волосы, при этом нечаянно задев кружку с молоком, которая с глухим стуком упала на пол. Хорошо ещё, что она была деревянная и потому не разбилась, но молоко пролилось, и девушка, краснея, пошла за тряпкой, чтобы вытереть образовавшуюся белую лужу.

Леон нахмурился, глядя на пустую кружку, которую девушка поставила на стол перед тем, как поспешно выскочить из кухни. Леон проводил Веру долгим взглядом, замечая, что та обернулась на него. Мужчина задумчиво потёр шею, прикидывая, что всё может оказаться куда сложнее, чем ему показалось. Упавшая кружка противоречила предположению, что клинок у Веры. Но, с другой стороны, она могла просто его где-то припрятать.

4

- Ну, видала? - спросила у меня Олеська.

- "Видала"! - передразнила её, очень похоже даже, на мой взгляд.. - Ты слыхала? - в тон ей спросила я. - Чего он до сапог докопался-то?

- Да какая разница, - махнула рукой подруга. - Смотри лучше: вот чего в них хорошего, что все с ними ночь провести готовы?

Я присмотрелась. Да ничего вроде. Мужчины, как мужчины. Один помоложе, другой постарше. У нас и покрасивей есть, мне б такие встретились - не засмотрелась бы ни на того, ни на другого.

- Обычные они, - констатировала я.

- Ну, в принципе... - задумчиво пробормотала Олеся. - Ну вон тот ещё ничего, который светленький... Улыбается ехидно, явно не любит того, который болтливый. И правильно: мужик болтливым не должен быть. Да и страшный он: глаза у него мелкие и тёмные, как у ворона... И лицо худое, и волосы тёмные - точно на ворона похож.

- Ничего не похож, - обиделась я за второго. - Нормальный он, и глаза у него нормальные. Большие глаза девушкам хорошо, а мужику и такие сгодятся... - я наблюдала, как он о чём-то говорит с батей, как тот ему отвечает, и гость смущённо смотрит в свою миску.

На долю секунды я залюбовалась им. Он и вправду казался непривычным для здешних мест. Его товарищ - самый обычный. Волосы светлые, нуждающиеся в стрижке, рубашка серая, грязноватая, лицо простое, открытое, чуть обветренное, губы пухлые, бантиком, глаза серые или голубые - не разглядеть отсюда. Обычный он, у нас полно таких. А второй - особенный. Он и держался по-особенному: спину держал прямо, не сутулил плечи, одет был вроде с виду и просто, но видно, что вся его одежда шилась специально для него и не из дешёвых материалов. Мужчина был аккуратно пострижен, элегантен, строен и уступал по габаритам первому, но взгляд приковывал.

- Что, понравился? - лукаво спросила Олеська. - Страшный он. В смысле, не некрасивый, а просто страшный...

- Задумчивый он, а не страшный, - парировала я. - Это тебе кажется так, потому что он не скалится во все зубы, как ты... и как этот... - я посмотрела на парня, который с широкой довольной улыбкой смотрел на смущённого мужчину.

- Да ладно тебе, - отмахнулась Олеська. - Открытая улыбка никогда не портила никого.

Я хмыкнула. С этим я бы поспорила, но не стала. Мне всегда больше нравились застенчивые улыбки, но мне не так часто их дарили: в деревне все друг друга знали, и если улыбались, то радушно и просто. Робкие улыбки мне как-то дарил один... влюблённый в меня. Но он был каким-то жалким, так что это не в счёт. Интересно, этот человек, что сейчас смотрит в свою тарелку, красиво улыбается? В том смысле, что я и так видала, как он улыбается, просто было бы интересно, как бы эта улыбка смотрелась, будь она адресована мне. Но, кажется, незнакомец почувствовал мой взгляд, поскольку резко повернулся в сторону окна.

Мы с Олеськой чуть не свалились со скамьи, поспешно отпрянув от стекла и пригнувшись.

- Валить надо, - сказала подруга, и мы поспешно скрылись с нашего участка.

Леон вышел на улицу и вдохнул ночной воздух. Теплая ночь выдалась. Он поглядел на небо: чистое, звёздное. Пока всё складывалось довольно удачно. Олан расслабится, почувет, что ландграф не опасен, и можно будет попытаться зачаровать его. Про мага не узнал ничего, но это не беда. Вроде Макар кого-то им обещал, так что у той, что придёт к нему, он всё и

разузнает. Конечно, общение с людьми - не его конёк, но он старался, и ему казалось, что в последнее время у него получается доносить свои мысли в том виде, в котором нужно.

Олан тоже вышел и остановился рядом, недобро глядя на ландграфа. Мужчина снова вздохнул, устало поглядев на парня.

- Что опять? - тихо спросил он, понимая, что, хоть он снова ничего плохого не делал, следопыт чем-то недоволен.

Тот надулся, сердитый и смурной. Мрачный вид парню не шёл, и убедительным он не выглядел. Зато постарался объяснить Леону, в чём дело:

- Вот не надо впутывать девчонку в свои магические...

- погоди, - перебил Леон, совершенно не понимая, чего это этот парнишка так озаботился его интересом к предполагаемой обладательнице клинка. - Напомни, благодаря кому я сегодня ночью не один?

Олан, в свою очередь, тоже вопроса не понял и нашёл его неуместным.

- И что? - усмехнулся парень. - Спасибо, что ли, скажете?

- Не знаю, - ответил ландграф. - Может, и скажу... Завтра спроси меня об этом, ладно? - вполне серьёзно ответил он, и Олан не понял, издевается ландграф или нет. - Просто не понимаю, за что ты опять на меня взъелся, - признался Леон. - Нравственность - не твоя сильная сторона, это мы уже выяснили.

- Скорее, не ваша сильная сторона, - фыркнул Олан. - Я-то сплю с теми, кто этого хочет, а эта девчонка...

Леон снова перебил, поскольку ход мыслей следопыта его раздражал:

- Я тоже никого не принуждаю. И вообще, полагаешь, у меня нет другого способа убедить её вернуть мне артефакт, кроме как затащить к себе в постель? - удивился Леон. - Знаю, я не красноречив, но всё же попытаюсь просто всё объяснить ей.

- Всё объяснить! - передразнил Олан. - Кому вы врётё? Я слышал про вас столько, сколько и придумать-то невозможно! Я знаю: вы хотите влюбить её в себя, а это - погано, - сообщил парень. - Я про вас много знаю такого, что догадываюсь, что по-человечески вы не умеете. На себе испытал, - он явно припоминал, как Леон заставил его выпить зелье.

Оправдываться ландграф не собирался. Да, он не очень честный и далеко не праведный, он пришёл в эту деревню с конкретной целью, а то, что всё усложнилось, лишь отнимет у него время, но на исход не повлияет.

Он посмотрел на Олана сурово, и тёмные глаза недобро блеснули изумрудным отсветом.

- Слушай сюда, - медленно и тихо проговорил он, - эта вещь нужна мне, и если цена клинку - разбитое сердце деревенской девчонки, я готов заплатить её.

Он не стал угрожать, а пошёл в сторону амбара, лишь через несколько шагов обернувшись на всё ещё стоящего парня и напомнив:

- Найти и вернуть мне клинок в твоих же интересах, - и пошёл дальше.

Олан не ответил ему. Он был зол, что ничем не может помешать Леону. Наверняка чары не позволят испортить ему планы. А девчонку было жалко, она ж не виновата, что ходила на болото и нашла там клинок. Вряд ли ландграф хотя бы попытается выманить артефакт или попросить отдать. Нет, это было не в его характере. Олан, познакомившись с этим человеком, постепенно уверовал во все рассказы о нём. Всё сходилось и всё совпадало: желающий казаться тихим, невзрачным и скромным, он всегда добивался своего любой ценой. В конце концов, разбитое сердце - плата за его свободу, к тому же Олан всегда считал, что надо иметь голову на плечах и думать, что делаешь и в кого влюбляешься. И ему казалось, что одного взгляда на Леона достаточно любому здравомыслящему человеку, чтобы решить держаться от него подальше.

С этими мыслями он отправился в овин. Главное, не уснуть на сытый желудок раньше времени. Он шёл и поражался своей находчивости, ведь он выиграл сегодня во всём: и ноче-

вать с опасным Леоном не придётся, и отлично поужинал за чужой счёт, и благодаря глупости и доверчивости Леоны сегодня предстояла бурная ночь. Было странно, что Леон так легко повёлся, но Олан замечал в нём странности, и ему подумалось, что, может, он и раскусил его, просто не подал вида, чтобы больше вписываться в образ наивного человека. С Леоном следовало держать ухо востро. Даже этой ночью, когда их разделял целый двор и две запирающиеся двери.

5

- Эх... - пробормотала Олеська, потягиваясь на матрасе. - Пожевать бы чего... вкусненького...

- Ага, - кивнула я. - Видала, у моих сегодня медовые колечки... Это из-за постояльцев, мать сегодня не собиралась ничего печь... - я вздохнула.

Знала бы, что гости нагрянут, может, не пошла бы на ночёвку к Олеське. Не только из-за медовых колечек, а просто из любопытства даже. Интересно было бы посмотреть на этого мужчину. Я воспроизвела в памяти его образ. По сравнению с нашими он был опрятней и ухоженней, загадочней и... мрачней. Но страшным мне всё равно не показался. Отчего-то подумалось, что он может уже ложиться спать. Интересно, где его положат? В моей комнате? Только бы не в моей! Не люблю я запах мужчин. Вернее, не всех мужчин запах я люблю. Да, вот так. От некоторых пахнет потом вроде и не сильно, а всё равно так противно, так что не хотелось бы, чтобы ночевал какой-то хмырь в моей постели. Хотя, их двое, в мою комнату могут и другого положить... Я поморщилась. Нет уж, лучше пусть этот спит, я потом проветрю и постираю.

- О чём задумалась, о медовых колечках? - выдернула меня из раздумий Олеська.

- Да, - кивнула я. - Да! - и тут меня осенило.

Пойду схожу домой! За колечками. По пути в окно своей комнаты загляну, посмотрю, спит кто в моей кровати или нет. И вернусь. Это отличная, просто прекрасная мысль! И вкуснятину раздобуду на ночь, и на гостя погляжу, может быть...

- Слушай, Олеська, давай я на кухню к себе прокрадусь и стащу нам колечек? Мать подумает на гостей, если заметит пропажу - отличный вариант!

Подруга призадумалась, но ненадолго. Прищурилась и спросила:

- На этого, страшного, поглазеть хочешь?

- Колечек медовых хочу, - ответила я, и глазом не моргнув. - Опять полночи проболтаем с тобой, так хоть будет, чего пожевать.

- Сходить с тобой? - предложила она.

- Не, мне одной проще, - не приняла предложение я. - Я быстро управлюсь.

Из чердачного окошка перелезла на сарай, с сарая - на дровенник. Сколько раз уж так спускалась - привычно и просто, легко даже. Помню, первый раз, когда Олеська мне этот путь показала, я на неё, как на полоумную посмотрела. Мне казалось, что это - чистое самоубийство, хоть лазать по деревьям с мальчишками с детства приучена. А потом привыкла, так что теперь мне даже в удовольствие мышцы поразмять таким спуском.

Спрыгнула на землю и притаилась. Вроде, никого. Добежала до калитки - заперта. У Олеськи вечно запирают на замок, как темнеет. Чтоб не шастал никто. У нас вот - не запирают. Потому что батя спит чутко и, если надо, выйдет и отметелит, кто непрошенный появился. Он даже лису однажды лопатой прибил, когда та к курятнику примеривалась. Шкура её у нас в прихожей висит - мать шапку всё хочет сделать из неё, но руки не доходят.

Пришлось через забор лезть. Где-то, помню, штaketина отодвигалась, но впотьмах так просто не найдёшь, проще перелезть через калитку. Вот обратно - сложнее, калитка сколочена так, что штaketник по внешнему краю направляющих прибит, снаружи просто так не перелезешь. Ну ничего. Главное, чтоб не заметил никто. Ну, и штаны не порвать о гвозди.

Залезла на калитку, перемахнула через неё, прыгнула на землю. Вроде не зацепилась одежда, не порвалась - уже хорошо. Побежала к своему дому. Прохладно ночью в одной майке, надо было рубашку натянуть, но я поторопилась. А то ещё Олеська увяжется, а у нас половицы скрипучие в доме - без тренировки тихо не пройдёшь. В общем, одной сподручней.

Добежала до своей калитки, открыла, зашла на участок и замерла. Заметила, как в овин зашла чья-то девичья фигура и послышался мужской голос. Не тот, который мне был интере-

сен, так что и вслушиваться не стала. Решила, что постелил-то гостям батя в доме, а парень просто решил выбраться в овин на свидание. Я хихикнула. О чём-то подобном говорил Сенька, благодаря чему мы с Олеськой вообще узнали, что тут гости. Ладно, это - не моё дело. Каждый развлекается, как хочет и берёт от жизни то, что ему нужно. Мне вот, например, на данном этапе нужны медовые колечки и уверенность, что ни один из этих распутных постояльцев не заночует в моей комнате.

До своего окошка добралась легко и быстро. Глянула. Занавески за меня никто, конечно, не задёрнул, ну да это и хорошо. Потому что теперь я могла посмотреть внутрь и убедиться, что комнату мою никто не трогал и всё в ней так, как было и как быть должно. Я вздохнула с облегчением, одновременно почувствовав некоторое разочарование от того, что не увидела мужчину. Но не стоило долго задерживаться под окном, поскольку я рисковала простыть: голые руки начинали замерзать, майка практически не грела, да и поднявшийся ветерок оказался чересчур свежим.

Пробралась на кухню, ступая аккуратно на давно проверенные доски, которые не скрипели. Подошла к буфету, стянула со пинки стула тонкое полотенце, достала тарелку с колечками, пересыпала их в полотенце, завернула и, воровато оглядевшись, двинулась в обратный путь.

Овин решила обойти стороной, чтобы часом никого не смутить. Решила, что пройду мимо амбара, а уж от него - к калитке. Но именно у амбара, вопреки планам, и задержалась. Оттуда слышались тихие сладострастные стоны и вздохи, так что я замерла, прислушиваясь. Так, наверно, батя всё-таки предложил гостям переночевать вне дома. И это правильно - нечего таким в нашем доме делать. Но тут же мысли мои перекинулись на другое: если в овине белобрысый, значит здесь - тот, второй. Поборов брезгливость, я подошла к неплотно запертой двери и посмотрела в щель между ней и косяком.

Свет в амбар почти не проникал. Присмотрелась и различила два тела, лежащие друг на друге и ритмично двигающиеся. Мужское - сверху, но света мало так, что разглядеть толком можно только пятки и пальцы ног. Да большего и не надо - и так противно. Противно, словно мой амбар осквернён. Знала, конечно, что и мои братья сюда своих девок водят, но то - свои, им можно, а это - хмырь какой-то, и теперь этим хмырём провоняет весь амбар, никакая вяленая рыба эту вонь не отобьёт. Так мне взаправду тогда показалось, когда смотрела на его пятки и слушала приглушённые стоны. Я поспешила уйти, пока меня не заметили, но случайно задела дверь второпях. Та протяжно скрипнула, и я поспешно спряталась за угол, притаившись в тени от куста смородины.

Мужчина вышел из амбара быстро. Глянул по сторонам, но меня не заметил. Он был обнажён и в свете ночных звёзд хорошо виден, так что я старалась смотреть на его лицо или хотя бы голый торс, но никак не ниже. Фигура у него, кстати, была вполне ничего. Костлявым или толстым он не был. У Сеньки, брата Олеськиного, мускулов побольше, но этому, вроде как, так даже идёт. Наверно, это даже красивей, когда мышцы не так ярко выражены. А ещё в свете звёзд был отлично виден белый шрам на его груди, в области сердца и странный очень, кривой, но круглый контур почти замкнутый.

Мужчина огляделся, но меня не заметил. Уже хорошо. Хотя странно: мне казалось, раз человек прошёл такой путь от города до нашей деревни, то должен быть ловчее и смекалистей. А этот вышел голый и безоружный, да ещё и не заметил меня. В общем, глупый какой-то.

Он вернулся в строение и вскоре из него снова слышались постанывания. Я, наконец, смогла ретироваться. Нужно было ещё забежать к рукомойнику и умыть лицо - противное липкое ощущение предательства меня никак не хотело покидать. Было обидно, что мне ещё недавно хотелось посмотреть на этого человека и увидеть его улыбку, а он... Это было глупое, но неподвластное мне чувство, о котором никто не узнал и о котором я вскоре тоже позабыла, весело болтая с Олеськой на чердаке и уплетая добытые медовые колечки.

Чердак Олеськин - уютнейшее место, мы там с детства любим ночевать. Только кроватей там нет, матраса два брошено: один у одного ската крыши, второй - у другого. И барахла много. Всякого разного, что в доме только мешается, а выбросить жалко.

Любила я это место. И посиделки ночные. И разговоры. Только сегодня нет-нет, а всё равно все темы сводились к постояльцам. Я старалась не вникать в них и только смеяться да шутить, когда мы придумывали причины, по которым эти двое вообще забрели в наши края.

Проснулась я резко, села и огляделась. Олеськин чердак. И я. Рядом - никого, хотя только что, во сне, я была не одна. С мужчиной была, если честно. Да-да, с тем самым, который ночевал у нас в амбаре. Вот ведь фантазии и миры сновидений: иногда такое привидится, что и не знаешь, как к этому относиться. Правда, сейчас моё отношение легко описывалось одним словом: зла. Я была зла. На него. Сны, такие, как сегодня, мне снились редко, и в основном с участием олеськиного Сеньки. А сегодня из-за этого амбарного хмыря мне снились совершенно непотребные вещи, да так явственно, что казалось, его чувственные стоны я слышала наяву, и руки его ласкали меня тоже почти по-настоящему. Надо заметить, стоны его и вправду произвели на меня впечатление, да ещё то, что он вышел на улицу и показался мне во всей красе, тоже отложило отпечаток в памяти. Но того, что он мне приснится и будет во сне со мной, этого я не предполагала и теперь во всём винила мужчину. И в том, что мне понравился сон, и в том, что это был только сон. Не то, чтобы мне хотелось наяву, просто в тот момент, когда я проснулась, было и вправду немного досадно.

Проклятый... как его там? И имя не запомнила даже. Пришлось встать и подойти к Олеське. Она бессовестно дрыхла, пока я страдаю.

- Олеськ, как там этого звали? - растолкала я подругу.

- Чего? - переспросила она сонно, но тут же поняла меня. - А, из этих... Ща вспомню, погоди... - память у неё хорошая, особенно на ненужную информацию. - Олан вроде... Я ещё подумала, что имя дурацкое, как "Олень"...

Я хихикнула. Точно, как "Олень". Только я не про того спрашивала.

- Да нет же, второй который! - поторопила я.

- Второй... - она призадумалась. - Леон, вроде... Я тоже подумала, что имя дурацкое, как...

- Не говори мне! - перебила её я: почему-то не хотелось мне никаких негативных ассоциаций с его именем, хватит и того, что первого мысленно теперь буду называть оленем, каждый раз, как услышу его имя. А что услышу ещё, почему-то не сомневалась.

- А что? - хитро прищурилась подруга. - Понравился всё-таки, что ли?

- Нет, - ответила я. - Как может понравиться тот, от кого потом придётся отстирывать простынь да одеяло. Мне же придётся, ясен пень! Той, значит, которую он... ну того... ей подарки, а мне, которой за ним прибираться, - шиш!

- Да ладно тебе, - зевнула Олеська и села на матрасе. - Может, Верка стирать будет, а тебя опять в лес зашлют.

Я вздохнула. Может, и так... Но в любом случае, он хмырь.

Леон... И правда дурацкое имя. Если и не дурацкое, то непривычное уж точно. Впрочем, он весь непривычный.

- Чего вспомнила-то, приснился? - вывела из мыслей о нём Олеська.

- Приснился, - призналась я. - Урод.

- Я сразу говорила, что он страшный, - поддакнула подруга. - Такому как раз в кошмарах и являться.

Я растеряно кивнула. Пусть и правда думает, что в кошмарах, незачем ей подробности знать. У Олеськи глаза слипались, и она туго соображала, поэтому ничего выznавать у меня не стала. Ну и хорошо. Я тоже вернулась на свой матрас и легла на него, укрывшись одеялом. Не знаю, чего бы мне хотелось больше: встретить или не встретить снова Леона во сне.

6

Макар плескал в лицо холодную воду у рукомойника и отфыркивался. Потом долго откашливался - он много курил, и потому кашель был его вечным спутником. Он проснулся позже всех, даже завтрак проспал - сказывалась вчерашняя рыбалка, на которую ему пришлось вставать рано утром, а перед этим готовиться, так что всю прошлую ночь он не спал вообще. И вот он был один на своём участке: все разбрелись по делам, а к постояльцам он не навещался, поскольку его совершенно не волновало, что с ними и где они проводят время. Может, и вовсе уже ушли из деревни.

Калитка скрипнула, но Макар даже не глянул в её сторону: к нему часто заходили соседи кто зачем, а некоторые и просто потрепать. Пустую болтовню мужик не любил, но если был занят каким-то делом, никогда не был против того, чтобы кто-то зудел на ухо, мог даже вовремя поддакивать, кивать и поддерживать разговор. В общем, скрипнувшая калитка была недостойна его внимания.

Когда к нему подошли, он смекнул, что это не кто-то из соседей и обернулся. Позади него стояли трое: высокие и крепкие, в одинаковой странного вида одежде. Чем-то напомнили одного из постояльцев этими своими дорогими шмотками, только гость был одет попроще и поизящнее. Эти же явно относились к какому-то ведомству, раз одежда на них одинаковая была, красивая, но явно не под заказ сшитая и оттого сидящая абы как. Сюртуки их были украшены всякими узорами из переливающихся синих нитей, отчего Макар поморщился: всё, что блеснит и относится к одежде, по его мнению, должны носить только женщины.

- Чего надо? - спросил он у незваных гостей, уже догадываясь, что эти трое пришли искать его постояльцев.

Он уже видел таких людей раньше и знал, что, скорее всего, они стражники с какого-нибудь города. Правда, в своей деревни таких он ни разу не встречал, так что их появление ему сильно не понравилось.

- Мы ищем двух мужчин, - ответил самый старый, которому явно было за полтинник. - Они, говорят, у тебя заночевали...

Макар сплюнул и напоследок сполоснул руки, будто желая смыть с себя любую причастность к постояльцам.

- Где они? - спросил другой, который был моложе и на вид злей.

Злобу Макар чуют в людях умел и потому точно мог сказать, что говоривший - жестокий человек. Это и неудивительно - в стражи иных и не должны брать.

- Один - в амбаре, другой - в овине. Должны быть там, - честно ответил Макар и полюбопытствовал: - Натворили чего?

Все трое посмотрели на Макара, как на глупого деревенского простачка, которого легко обвели вокруг пальца пришлые с города негодяи. Вроде сочувственно так посмотрели, а вроде и снисходительно: мол, ясное дело, не догадался мужик, что просто так с болот да с города к нему не пожалуют люди.

- Да уж, натворили, - кивнул злой стражник. - Один - преступник, вор и мошенник, в тюрьме должен сидеть, а другой его выкупил, потому что мальчиков он любит, видите ли.... - он брезгливо поморщился.

Макар призадумался. В чём-то поверил стражам, а в чём-то - нет. На любовников эти двое похожи не были, ночевали не вместе, да и явно предпочитали женщин. Но и братьями, как говорил Леон, они явно не являлись: не похожи ничуть, да и одеты очень уж по-разному. Мужик за ними не особо наблюдал, но совершенно точно напряжение между постояльцами было - это он за ужином заметил. Так что в то, что парень с ландграфом оказался не по своей воле, верилось легко.

Макар правосудие уважал, поскольку городские стражи ему встречались лишь дважды за всю жизнь, но оба раза искали людей за дело. Сейчас был третий раз, и потому мужик легко выдал бы своих гостей, даже если б ему не рассказали, в чём их вина. Постояльцы были странные, за всё заплатили сполна, и теперь могли быть отданы в руки представителей закона. Разбираться в чужих проблемах Макар не собирался.

- Подсобишь? - спросил один из стражей у него. - Нас трое. С парнем и один справится, а Леон - та ещё скотина, на него лучше втроём идти... Мы заплатим, ты не думай!

Макар исподлобья посмотрел на них. Страж говорил о Леоне, как о диком звере, а о поиске его - как об охоте... Говорил уверенно и со знанием дела, словно знал, что противник хитёр, опасен и может уйти.

Это было плохо. Если он и правда опасен и уйдёт от стражей, то может вернуться и отомстить Макару за то, что выдал и об опасности не попытался предупредить. Вроде от Леона злобой не несло, но Макар знал, что есть люди, которые кого хочешь обманут: на то и магия есть, и амулеты специальные.

Стоило помочь стражам, чтоб наверняка. Чтоб точно Леон не ушёл.

- Подсоблю, коли такое дело, - нехотя согласился Макар. - Пойдём, - он кивнул в сторону амбара, и они все вместе направились к бревенчатому строению.

Макар по пути забежал в пристройку, схватил лопату и вернулся к стражам. Лопатой он хорошо управлялся, и потому считал её отличным оружием с тех самых пор, как убил ею лису. Так что и с Леоном он намеревался справиться именно так.

- Маг он? - спросил Макар на всякий случай.

- Ещё какой, - ответил пожилой стражник. - Только последнее время не показывает своих сил - тихорится чего-то...

Тихорящийся маг - это ещё опасней. Так Макар считал, поскольку магия - это всегда опасно, а магия, которую человек пытается скрыть - вдвойне. Потому что раз скрывает - значит готовится улучшить момент и нанести удар такой силы, что мало не покажется. Но отступить было некуда.

- Ты, - обратился пожилой страж к злобному. - Иди за парнем, а то сбежит. Мы пока с ландграфом разберёмся. Священник сказал, они погони не ждут - так что всё должно пройти гладко.

Злой страж кивнул и отделился от остальных, направившись к овину. Он уже предвкушал, как поквитается и с Оланом, и с Леоном за то, что его самого чуть не упекли за решётку, поскольку считали, это он упустил их. Священник выкупал узника на одну единственную ночь, и, по его словам, никак не мог просчитать, что Леон обдурит его и уведёт парня куда-то за болота. Ландграф был хитрым магом - такому обмануть простодушного священника - раз плюнуть. Собственно, стражника бы не заботила эта история, поскольку, как он считал, принадлежать Леону - наказание похуже тюрьмы, так что Олана он бы и не стал пытаться вернуть назад. Но какая-то сволота быстро сообщила всему городу о том, что стражи продажны, и под угрозой заключения в тюрьму пришлось идти на поиски ландграфа. Это было бы совсем невозможно, если б не старый следопыт, который мог провести по любым следам, даже если впервые видел местность. Пришлось отправляться прямо ночью: сперва полпути на лошадях, а потом, когда лес стал совсем густой - пешком. Следовало торопиться, пока следы не исчезли, так что поутру они уже вошли в деревню и вскоре вывели, где беглецы остановились.

- Ты пока домой не ходи, - посоветовал Сенька, стоило нам с Олеськой закончить завтрак.

- Это почему? - удивилась я.

У меня дел дома полно, надо спешить, пока Верка себе всё самое простое не выбрала, а мне не оставила самое плохое... Те же простыни постояльцев. Очень хотелось спихнуть стирку на Веру, а если припозднюсь - наверняка мне выпадет.

- Потому что там беспокойно сейчас, - ответил парень, тревожно поглядев на меня. - Ты пережди у нас, твои поймут...

Я нахмурилась. Приятно, конечно, что Сенька беспокоится обо мне - вон как смотрит. Люблю, когда он заботливый. Только что-то не понятно ничего, да и любопытство разожглось.

- Ты нормально-то сказать можешь? - недовольно буркнула Олеська. - Чего там беспокойного может быть?

Парень посмотрел на неё строго, а потом заговорил. Причём, стоило ему заговорить, стало ясно: он бы нам в любом случае всё выложил, потому что его прям распирало от желания поделиться новостями.

- Короче, гости ваши... - он кивнул на меня. - Ну, постояльцы, они на самом деле какие-то беглые преступники, и за ними поутру с города пришли стражники. Прикиньте? Стражники всю ночь по болоту пропёхали, чтобы только этих гадов не упустить! И вот сейчас они их там и схватят.

- Убьют? - спросила я, нервно теребя край скатерти.

Не хотелось бы, чтобы убили: тогда привидения у нас будет жить в амбаре, и там больше рыбку по ночам не потрескаешь. Мало того, что теперь и так надо там всё проветривать и стараться забыть увиденное вчера ночью, так ещё не хватало призрака там. Очень хотелось, чтобы Сенька ответил, что постояльцев не убьют.

- Убьют, наверно, - ответил парень, и я охнула: только не это!

- Что, жалко их? - участливо спросил парень. - Не жалеи - они ж явно те ещё злодеи, раз за ними в такую даль притащились и облаву устроили.

- Один симпатичный был, - всхлинула Олеська, и я недовольно посмотрела на неё.

Симпатичный! Во-первых, и не симпатичный тот был, а во-вторых, не о том она думает! Симпатичных - много, а амбар у нас один, и если в нём поселится призрак этого Леона, у меня не будет тайного любимого места!

- Олеська, ты хоть понимаешь, что если их убьют - души их вечно будут по нашему огороду шастать! - воскликнула я, глядя в наполняющиеся слезами глаза девушки. - Это ж конец! Это ж не выйти ночью на улицу, это никаких посиделок, это... это жуть просто!

Сенька усмехнулся:

- Это ты, Мила, загнула! Не тут же они их убьют - у них отчётность. Они их в городе убьют, а если сопротивляться сильно будут - по дороге в город, и головы ихние принесут своему начальству.

Я поморщилась, представив отрезанные головы постояльцев. Тоже мне, успокоил! Вдруг их убьют на моём любимом болоте? И что тогда? Я ведь и не узнаю, что там поселилось лихо, пока призрак меня не напугает однажды. А я слыхала, что призраки могут так напугать, что волосы все разом поседеют. Или что голос навсегда пропадёт, или заикой сделаться можно. Я повертела в руке кончик своей косы. Очень не хочется, чтобы она стала белой, как у матери отца. И голос мне мой нравится, и заикаться я не хочу...

- Правда, убьют? - спросила Олеська, видимо впечатлившись грядущей безвременной кончиной белобрысого постояльца.

- Стопудово, - безапелляционно заявил Сенька, словно планы стражей были ему отлично известны наперёд.

Подруга резко встала из-за стола и, смерив брата негодующим взглядом влажных глаз, выбежала из кухни в сторону входной двери.

- Что, пилились на постояльцев ночью? - усмехнувшись, спросил Сенька.

Я смутилась. Это всё Олеська со своим "один симпатичный"! Надо ж так ляпнуть! Теперь Сенька подумает, что мы ходили на незнакомцев глазеть. Правда, мы и ходили, но лучше об этом не знать парню, который мне нравится.

- Так получилось... - краснея, оправдалась я и тоже поспешно вылетела из кухни догонять Олеську.

Подруга обнаружилась за домом. Она стояла за зарослями каринки и закрывала лицо ладонями. Плачет, наверно. Она вообще любит пустить слезу не к месту. Ну да ладно. Сегодня, пожалуй, даже и к месту. Жалко всё-таки постояльцев - они же люди. Знать бы, чего они сделали - может, и не жалко бы было. А так - как-то грустно...

- За дело, наверно, их... - предположила я, не зная, что сказать.

Олеська отняла руки от лица, вытерла кулачками слёзы и, всхлипнув, посмотрела на меня обиженно. Нос у неё раскраснелся и теперь она была похожа на своего отца, когда тот пьяный приходит к нам на какой-нибудь праздник.

Олеська и я некоторое время молча таращились друг на друга. Я вообще не представляла, что говорить ей. Она расстроилась, что стражники казнят в городе того, кого мы и видели-то всего разок. Да и вообще, может, его и не казнят - это только Сенька так сказал, а он мог преувеличить или приврать.

Но потом случилось самое ужасное, что могло случиться в этот момент: Олеська взяла себя в руки и начала думать. А она - из тех людей, кому думать вообще надо запретить, чтоб бед меньше было.

- Пойдём посмотрим, а? - заныла она.

Канючить она умела. Если что захочется - всю плешь проест, но вынудит пойти на поводу.

- На что смотреть-то? - спросила я. - И Сенька твой не для того просил не соваться, чтобы мы пёрлись, куда не следует. Может, эти постояльцы нас невзначай убьют... А, может, и специально даже...

- Что ты вечно придумываешь! - возмутилась Олеська, размахивая руками от негодования. - Ты его видела? Который хороший?

С чего это он стал хорошим, спрашивать не стала. Но да, видела, и поэтому кивнула.

- И что? - спросила она. - Он похож на убийцу? - подруга скрестила руки на груди и сердито уставилась на меня.

- Ну... - замялась я. - Мне убийцы раньше не встречались... Откуда мне знать: похож-не похож! Может, и похож!

- Страшный вот похож, - назидательно ответила Олеська. - По нему видно, что с ним что-то не так, а первый - вполне обычный парень. Может, стражники ошиблись? Может, он не виноват и этот Леон его заставил...

- Убивать? - уточнила я.

- Почём я знаю, - огрызнулась Олеська. - Давай посмотрим, а? Ну пожалуйста! Посмотрим - и всё. Может, я быстренько в нём разочаруюсь и не стану страдать от того, что его прикончат?

Я посмотрела на неё. Она больше не плакала, зато теперь её карие глаза загорелись опасным любопытством. Ох и не к добру это! Знаю я этот взгляд - мы вечно влипаем в неприятности, когда Олеська так смотрит.

Проверив своё недавно обрётённое оружие - клинок, висящий на поясе - я обречённо вздохнула, признавая поражение. Ладно, так и быть: сходим и посмотрим. Одним глазком.

- Спасибо-спасибо-спасибо! - Олеська обняла меня и крепко сжала. - Мы быстро! Мы посмотрим - и всё! Ты не пожалеешь, что согласилась!

Последняя фраза мне очень не понравилась: примерно в тот момент у меня сработала чуйка, и я отчётливо поняла, что пожалею о своём согласии очень сильно. Даже хотела было извиниться перед подругой и постыдно забрать свои слова обратно, но она так радовалась, что мы всё-таки пойдём, что я не смогла её расстроить.

7

На мой участок мы пробрались не без труда. Новости разлетаются у нас быстро, так что на дороге и в особенности около нашего дома зевак собралось порядочно. Хорошо, хоть на участок никто не рисковал забрести. Все побаивались и постояльцев, и стражей, так что старались делать вид, что просто прогуливаются мимо нашего забора и невзначай поглядывают на участок. Это порядком раздражало, поскольку нас могли заметить. Хорошо ещё, что вдоль забора у нас высокие кусты растут: пышные, зелёные, колючие. Батя специально посадил такие, чтоб никто не мог к забору подобраться и перемахнуть через него. Это было довольно странно для человека, который не запирает калитку, но он всегда объяснял это так: "Калитку всегда можно запереть. просто пока без надобности, а кусты пусть будут - их, если что, за пару минут не вырастишь". Вообще, кусты мне эти всегда нравились: он них летом запах хороший, да и за счёт них с дороги вообще не увидеть, что на участке делается.

Но нам пришлось пробираться через соседский участок. Там никого как раз не было - там одинокий пьяница проживает, и кто его знает, где шляется постоянно.

Добрались мы и до нашего дома. Никого.

- Может, они ушли уже? Всё закончилось? - с надеждой спросила я у Олеськи.

- Не, - ответила она. - Тогда бы никто не тёрся около вашего забора.

И то верно. Жаль, а я надеялась избежать встречи с постояльцами.

- Вон, смотри! - Олеська указала мне на овин.

Вздыхнув, я выглянула из-за угла дома. Ну да, вон тот здоровяк - это явно стражник, а тот, кого он тащит - явно белообрый постоялец. Как бишь его? Олан, вроде бы... Мне некстати представился олень, которого тянут, а он упирается своими ногами, бьёт копытами и размахивает рогатой головой из стороны в сторону. Я тихо прыснула со смеху, и Олеська на меня шикнула. Стало неудобно за себя: это нервное просто, на самом деле смешного - ничего нет. Особенно для моей подруги, которая смотрела на происходящее так, словно Олан был её давним другом и первой любовью одновременно.

- Жалко его... - прошептала Олеська. - Смотри, как псину тащат...

Я бы поспорила с этим утверждением, поскольку псину обычно тащат за поводок, который крепится к ошейнику, а страж тащил Олана просто за верёвку, конец который оплетал руки пленника на запястьях сзади. Да, за счёт этого идти ему приходилось быстро, чтобы верёвка не натягивалась, иначе стражник, само собой, невзначай разворачивал его и тому приходилось идти спиной вперёд, не видя дороги. В один из таких моментов он запнулся и упал, но страж времени на то, чтобы подняться, не дал и потянул дальше. Наверно, это оказалось тяжело, страж упирался и пыхтел, но темп не сбавлял. Парень был здоровый - такого без усилий по земле не проволочёшь.

- Ну да, жалко, - кивнула я Олеське, соглашаясь.

Я-то с животными дела не имею обычно, так что любые мученья живого существа наблюдать - в тягость. Может, умей я забивать скотину, сейчас бы вообще не жалко было смотреть на эту картину, а так... Этого парня зачем-то волокли, не давая возможности подняться, хотя обоим было бы удобней, иди он на своих двоих.

- Давай поможем ему, а? - спросила Олеська с надеждой. - Отвлечём стража, и поможем ему. Ему бы руки развязать - и он уйдёт, Мила. Как пришёл, так и уйдёт... а так его посадят в клетку, мне батя рассказывал...

- Да ну... - помотала головой я. - Рисковать ещё из-за какого-то... Может, он людей убивал и девушек насиловал? - предположила я.

- Тогда б Макар почуял - у него на людей чуйка хорошо работает, - заверила Олеська. - Может, он спёр чего и всего-то, а они его в клетку...

Клетка, видать, её сильно впечатлила, и Олану она не желала в ней оказаться. Я вздохнула. Не стали бы стражи из-за ерунды через наши болота топтаться. Точно что-то эти гости намутили...

- Слушай, Мила, ты как хочешь, а я его спасу, - заявила мне Олеська.

- Ты вон, котят наспасалась - теперь рыбы вяленой в вашем доме и не бывает. А то котят. А это - человек. Ты его спасёшь, потом бед может быть - ого-го, - привела я аргументы против спасения незнакомца.

- Я ж его дома у себя не оставляю, - парировала Олеська. - Я просто помогу ему и всё, и он уйдёт... Даже второго можно и не спасать, а этого... ну пожалуйста... - она смотрела на меня, прося разрешения и поддержки.

А мне не понравилась фраза "второго можно и не спасать". То есть, этот, стало быть, чем-то лучше того? Вспомнился обнажённый Леон с свете ночных звёзд и подумалось, что вряд ли он сумеет достойно отразить неожиданное нападение стражников. Вспомнился также и мой сон, и его выразительные стоны. Нет, его тоже нельзя в клетку. Ему тоже надо дать шанс просто уйти. Может, он свободы и не заслуживает, но он уж точно не хуже того, которого собралась спасать Олеська.

- Ладно, давай этому стражу по башке чем-нибудь врежем, ты останешься патлатому помогать, а я сбегая, гляну, что там у второго? - предложила я.

Времени мало, терять его нельзя. Хотя, вряд ли эти стражники купят в деревне лошадей. Скорей всего, пешими пойдут назад, через болота. А этих с собой потащат. Вот тогда можно было бы и освободить их... Только это уже какая-то спецоперация по спасению будет, а этого не хотелось. Хотелось просто помочь, чтоб это было коротким необременительным эпизодом. Олеська показала мне молоток, который лежал под скамьёй - как раз батя вчера ремонтировал её, да не убрал. Забыл, видать, из-за гостей.

Я с сомнением посмотрела на подругу: молотком по голове - это может стражнику дорого обойтись, а ведь он, возможно, не плохой человек. Может, даже и лучше тех, кому мы помогать надумали.

Олеська отвязала с шеи платок и обернула им молоток, закрепив узелком, даже, вроде бы, двумя. Ох, и не нравилась мне эта затея. Это ж надо ещё так метко молотком попасть, чтобы не навредить человеку... а то ведь проблем не оберёшься, если что...

- На, - Олеська сунула молоток мне.

- Что? Почему я? - шёпотом возмутилась я. - Мне до этого парня дела нет, я человека из-за него калечить не стану!

- Да не покалечишь, - Олеська умоляюще посмотрела на меня. - Ты ж знаешь, я ж мазила, я не попаду, спалимся только... А у тебя получится, ты ж... халявщица, ты точно попадёшь, как надо!

И то правда. Ну, про то, что Олеська мазила. Если она кинет, то точно только заметят нас, а толку не будет. Я неохотно взяла молоток.

- Если попаду и он вырубится, ты платок сними - а то точно догадаются, кто кинул, - посоветовала я. - И что со своим белобрысым делать будешь - меня не касается.

- Да поняла я, - поторопила подруга. - Только ты с Леоном этим поосторожней, он правда страшный...

Я не ответила. Подняла молоток и быстрыми шагами направилась вслед за волокущим Олану стражником. Парень меня заметил, но вида не подал, чтобы стражника, наверно, не смущать, и продолжил пытаться подняться. Я почувствовала, что не могу. Ну не могу я просто так молоток человеку в голову швырнуть. Ни за что, собственно... Обернулась на Олеську. Та меня жестами поторавливала, показывая, что в любой момент батя может прийти и тогда нам не сдобровать. Я обречённо вздохнула. Что ж, ничего абсурдней в жизни не делала: пытаться одним ударом вырубить здоровяка ради неизвестного парня, до которого мне нет дела. И всё

же я замахнулась и швырнула молоток в затылок стражнику. Бросила и зажмурилась, испугавшись и того, что промахнусь, и того, что попаду. Не знаю, чего больше не хотелось. Наверно, вообще хотелось, чтобы ничего этого не было. Ни гостей этих странных, ни пришедших за ними стражников... Но они были и открыть глаза пришлось. Олеська победно взвизгнула, тут же зажала себе рот рукой и потрепала меня по плечу:

- Молодчина! - одобрила она. - Ты просто молодец! Я знала, что получится!

Олан стоял на ногах, стражник лежал на земле ничком. Я дрожащей рукой указала на поверженного и пролепетала самый важный для меня сейчас вопрос:

- Он жив?

- Жив, - отозвался Олан. - Такого не грохнешь одним ударом. Спасибо, ты крута! - парень говорил искренно, но мне было не до его сомнительных комплиментов.

- Сама разбирайся с ним, - бросила я Олеське и помчалась в сторону амбара.

Очень бы не хотелось видеть, как этого, второго, волокли бы на верёвке. Хотелось успеть. Эх, стоило молоток с собой взять! И почему я такая недалёковидная? Чем теперь мне обезвреживать стражника, если что? Руки всё ещё дрожали. Наверно, сейчас на такой бросок у меня сил не хватит, не повторю успех... С таким тремором ничего толкового руками не сделать...

Вовремя успела остановиться и юркнуть за угол, пытаясь отдышаться и унять дрожь. Надо же так влипнуть. да ещё настолько глупо и неожиданно! Это всё Олеська со своими придумками! И угораздило же её предложить помочь этим хмырям! А я согласилась, как дура, потому что совсем мало времени было на раздумья! И чего теперь? Теперь какой-то белобрысый будет спасён и сбежит, а второго мне никак не освободить: у амбара отец и стражник, да ещё один наверняка внутри.

Сердце бешено колотилось, дрожь не проходила, а страх только увеличивался. Страх и за себя, и за ударенного молотком стражника, и за мужчину в амбаре, которому я не могла помочь. Я сползла спиной по стене и села на корточки. Закрыла ладонями лицо. Всё плохо. Всё очень плохо. как ни крути, а не стоило ввязываться. Да, было жалко парня, но, может, он и заслужил, чтоб его так тащили. А вот я точно не заслужила всяких душевных мук! В жизни ничего плохого не делала людям, а тут раз - и из-за Олеськи вписалась в какое-то сомнительное мероприятие...

Я почти разревелась от жалости к себе, перенервничав, но тут тот самый, подбитый мной стражник, завопил. Это точно был он.

- Сбежал! Туда, скорей же! - кричал он.

Фух! Жив! Значит, он всё-таки жив, и удар был не сильным, раз так быстро оклемался! На какой-то миг я ощутила себя счастливой, но уже в следующее мгновение мне пришлось взять себя в руки, поскольку батя со стражником помчались на зов.

Второго шанса у меня быть уже не могло. Или сейчас - или никогда! Если хочу помочь Леону - надо бежать к амбару. Если хочу не наделать ошибок и не встрять ещё больше - надо валить в дом и делать вид, что всё время там и была. Очень хотелось выбрать второе, но в памяти всплыл вчерашний вечер и скромно смотрящий в свою тарелку мужчина, а также пытающийся подняться на ноги Олан. Надо подойти и посмотреть, что с ним. Просто, одним глазком. А потом уж определить, что делать дальше!

Отец и страж пробежали мимо по дорожке, не обратив на меня никакого внимания. Я посмотрела им вслед и подумала, что всё-таки время у меня есть.

Выглянула из-за угла. Во дворе - никого, у амбара дверь открыта, около него - тоже никого. Что внутри происходит - не видно. Перебежками от куста к кусту добралась до угла амбара и заглянула внутрь. Там находился один стражник и Леон. Вид у мужчины был потрёпанный, и его красивая аккуратная одежда потеряла весь свой лоск, поскольку оказалась вывалена в сене и помята. Меня никто не заметил. Леон лежал на полу.

- Встань, - потребовал стражник. - Я теряю с тобой время.

Мужчина поднялся и попытался ударить стражника, но тот был ловок. Я боязливо поглядывала в сторону, куда ушли отец и страж. Если они вернутся - всё пропало. Но они, кажется, не торопились назад. Более того, стражник из амбара торопился к ним. Пока я озиралась, в амбаре шла борьба. Даже смотреть не хотелось, потому что я знала - Леон проиграет. Может, один на один он бы и продержался, но явно с ним уже поработали стражи, пока оба были там, и теперь преимуществ у него никаких не было.

Я видела, как Леон поморщился, когда ему грубо заломили руки за спину и надели на запястья какие-то железяки. Наручники, вроде бы. У нас в деревне таких не водилось, но, хоть я прежде не видела их, успела понять, что крепятся они за счёт ключа. У человека всяких ключей была целая связка: и как он только различал их! Почти одинакового размера все, тёмного металла с отсутствием каких-либо опознавательных знаков. Повесил себе эту связку на специальный карабин на поясе, отчего те звякнули, и тут же резко толкнул Леона вперёд. Этот ключник оказался сильным или просто умел правильно ударить, задав направление, поскольку мужчину с ног сбил этим ударом. Леон повалился на пол, едва успев согнуть ноги в коленях и повернуть голову, подставив щёку, чтобы не разбить нос и смягчить удар.

Ключи! Нужно обязательно заполучить ключи: связанного проще освободить, чем законного... Ну почему у Олескиного были верёвки на руках, а у этого - непонятные железные штуковины? Пока я судорожно придумывала, что делать, стражник принялся избивать мужчину. Зачем и почему, я, вообще-то, не поняла, но происходящее не показалось мне честным. У нас вообще лежачих бить не принято, а тем более лежачих и беззащитных... Злость и обострившееся чувство справедливости сплелись воедино и стали подниматься из глубин сознания, так что этому ключнику я бы могла разmozжить голову без зазрений совести. Только молотка не было под рукой. Зато... зато был замок! Тяжёлый амбарный замок, висящий на ручке прямо передо мной. Да этот замок увесистей любого молотка! Только шейного платка у меня нет - я не Олеска, во мне женственности не так много, как в ней. Оглядела себя. И снять-то нечего. Из доступного к снятию - только носки, но они у меня небольшие, в них замок такой не запи-хаешь. Да и ладно! Этот ключник - тот ещё гад, его можно и просто так шарахнуть. Да и если помрёт - не жалко ничуть, лишь бы призраком по ночам ко мне не являлся.

Я снова посмотрела, как он бьёт лежащего Леона ногами и утвердилась во мнении, что схлопотать ему всё-таки от меня замком по темечку. Дотянулась до замка, зацепленного дужкой за ручку, сняла его и притаилась. Буду надеяться на удачу. Пусть мне снова повезёт и на этот раз я сразу стражника на дольше, чем в первый раз! Я прикрыла глаза и попросила у судьбы именно этого: пусть у меня всё получится!

Стражник закончил измываться над поверженным преступником и вышел, не потрудившись прикрыть дверь. Зато он заметил движение в моей стороне и приметил меня. Он был готов задать мне вопрос, но я швырнула замок ему в лоб. Резко, сильно, неожиданно. Угодила, как и метила, в лоб, разбивая его в кровь. Чуть не заорала от вида этой самой крови, рассечённой кожи и, кажется, белой кости черепа, на миг показавшейся, но тут же залившейся багровой жидкостью. Стражник упал на колени, но сознание пока не потерял. Я подскочила, схватила замок и ударила повторно, по голове. Хоть бы у него была амнезия и он не вспомнил, как я выгляжу! Хоть бы ничего не сумел рассказать! И хоть бы не помер, конечно! Крепкий оказался - просто так из него не вышибешь сознание!

С третьего удара он упал на землю и затих. Я прислушалась: дышит. Плевать на него. Гад он. По-любому гад. Нашарила карабин на его ремне и сняла связку с ключами. Их много, штук десять-двенадцать. И как найти нужный? Может, снова подфартит?

Метнулась в амбар, к лежащему на животе Леону, наспех прикрыв за собой дверь. Это он удачно лежал, как раз, чтобы я могла подобрать ключ. Ещё и руки мои трясущиеся - такими трудно попасть ключом в замочную скважину. Наспех выбрала один ключ, сунула в отверстие и повернула. И... не поверила своим ушам, услышав щелчок. Эти железки раскрылись, осво-

бождая руки Леона. Просто взяли и раскрылись... С первого ключа! Этого не могло быть, это не просто удача, это - запредельная удача!

8

Леон лежал и даже не смотрел, кто пришёл. Освобождение от пут явно не радовало его, а если и радовало, то он не подавал вида. Я тоже действовала молча, так что не уверена, что он не посчитал меня возвратившимся стражником и не ударил лишь потому, что не осталось сил. Времени было мало! Злость на стража перекинулась отчасти и на мужчину. Ведь я так спешила, так переживала, пошла на преступление ради этого хмыря, а он лежит и никуда не торопится! Это было возмутительно!

- Вставай же! - я неаккуратно потянула его за руку, которая всё ещё была заломлена за спину.

Леон скрипнул зубами. Кажется, я неудачно его схватила и сделала больно, но мне было плевать. Стражники могли прийти в любую минуту, и потому следовало спешить.

- Вставай, ну же! - я толкнула постояльца в плечо.

Он разогнул руки, отчего в его суставах что-то противно хрустнуло.

Мужчина на удивление бодро поднялся на ноги, отжавшись от пола. Посмотрел на меня странно и, скромно кивнув, прошептал:

- Спасибо... - это прозвучало так, словно он ошеломлён моим появлением.

Я выругалась и дернулась к двери. Сквозь щель увидела, как люди возвращаются. Один из них шёл, пошатываясь, как пьяный. Одно радовало: они возвращались одни, и на верёвку Олана не вели. Это было очень хорошо: значит, у Олеськи получилось! А вот получится ли у меня?

- Пойдём, - я метнулась в помещение, где лежали мешки. - Скорее! Давай наверх!

Я указала рукой на потолок. Мужчина не очень меня понял, и я полезла первой. В этом закроме, в единственном из трёх, имелся потолок, отделяющий пространство под крышей от комнаты. Потолок был сделан из широких старых досок. Таких старых, что они были иссохшими и лёгкими. Некоторые прибиты гвоздями, а другие - нет. Одну я часто использовала, чтобы приподнять и отодвинуть в сторону: тогда легко можно было попасть наверх. Это было наше с Олеськой место, даже братья и Верка не лазали сюда. А мы часто сидели.

Я быстро набросала мешки друг на друга и забралась наверх: легко, привычно, оперативно. Мужчина тоже не подкачал и повторил за мной все действия, напоследок столкнув мешки вниз, чтобы те не выдали нас. Леон сам вернул доску на место и замер, поскольку послышался скрип двери и ругань.

Леона было плохо видно. Он сидел совсем рядом со мной, и мне бы хотелось увеличить расстояние между нами, но это могло наделать шума: крыша была в этом месте почти над головой, и потому мы сидели, согнувшись и практически припадая к полу. Свет проникал лишь из щелей от краёв кровли. Мужчина смотрел на меня широко распахнутыми глазами. Я на него - наверняка такими же: мне никогда не приходилось помогать преступникам. Это было волнительно, но... увлекательно. Интересно, что мне будет, если нас поймают? А если поймают, но скажу, что это всё он, он меня заставил помогать ему? Очень хотелось верить, что ничего мне не будет, но всё равно было страшно.

На мою упирающуюся в пол руку легла его рука: тёплая и большая ладонь. Я поморщилась, представив, как вчера эта самая ладонь гладила чьё-то потное тело, а теперь накрывает мою прекрасную руку. Это было отвратительно настолько, что мужчина заметил мои сменившиеся безразличностью чувства и поспешно отнял свою руку, при этом забавно смутившись и прекратив на меня глазеть.

- Куда он делся? - раздражённо спрашивал грубый мужской голос где-то под нами.

- Сбежал. Второй его освободил и слиняли они, - констатировал другой голос. - Гоняйся теперь за ними... - он плюнул презрительно. - Гоняться за преступником и извращенцем, которые могли уйти, куда угодно - отличное занятие!

Вскоре дверь снова скрипнула и всё стихло. Мужчина ещё долго смотрел в пол, ничего не говоря и не произнося ни звука. Я устала сидеть, скрючившись, и потому легла на спину, согнув ноги в коленях и глядя на Леона.

Тот, заметив шевеление, тоже поглядел на меня.

- Зачем помогла? - спросил он тихо.

- Захотелось, - пожала плечами я.

- Не боишься? - спокойно спросил он, тоже ложась рядом, только на бок, чтобы иметь возможность смотреть мне в лицо.

- Боюсь, - призналась я и, припомнив слова человека внизу, спросила: - Ты мне сразу скажи: ты преступник или извращенец, ну, чтобы мне знать, чего ожидать?

Мужчина посмотрел в потолок и слегка улыбнулся моему вопросу. Кажется, ему стало ясно, что боюсь я вовсе не его самого, и это его порадовало.

- К сожалению, я и то, и другое, - вздохнул он и поспешно добавил: - Как они думают.

- А как думаешь ты? - спросила я, и он усмехнулся.

- Кто-нибудь отвечал тебе на этот вопрос: думаю, что я отвратительный негодяй, от которого стоит держаться подальше? - спросил Леон.

- Нет, - честно ответила я.

- Что ж, тогда я буду первым, - мужчина снова слегка улыбнулся. - Я правда тот, с кем тебе лучше не связываться.

Я оглядела его. Он довольно обычный на вид. Когда мы дрались с братьями, я редко выходила победителем, но всё же иногда мне везло. А этот - он шуплее моих Сеньки и Глеба, так что опасаться его как-то не получалось. И даже его тёмные глаза казались какими-то трогательными и не страшными. А ещё у него была милая улыбка: та самая, которую я так хотела вчера увидеть адресованной мне.

- Я могу за себя постоять, - тихо сообщила я.

- Серьёзно? - насмешливо спросил Леон и резко подался на меня, намереваясь схватить за запястья.

Может, он и полагал, что я отвлеклась на разговоры, но так просто меня было не отвлечь. Я была начеку и потому легко откатилась в сторону - в самый угол между полом и скатом крыши, потом вытащила из-за ремня найденный недавно клинок и, легко забравшись на спину лежавшего на полу мужчине, приставила лезвие к его горлу. Наверно, он мне подыграл: парни часто так делали, если дрались со мной в шутку, а сейчас с Леоном у нас был именно шуточный бой. Он максимально поднял голову, стремясь отстраниться от опасного лезвия, отчего его волосы коснулись моей щеки.

- Ладно, хватит, я понял, - примирительно сказал он. - Мы наделаем много шума.

Я наклонилась сильнее, чтобы заглянуть ему в лицо. Он ничуть не боялся, находя происходящее забавным. Сидя на нём верхом и склонившись к нему, я ощущала сквозь тонкую одежду его тело, и это некстати напомнило мне о моём недавнем сне. Ещё и волосы его, щеко-тящие мою щёку. Смутившись, я скатилась с него, снова оказавшись в углу.

Мужчина хмыкнул, поворачиваясь на бок и замирая. Проследив за его взглядом, я поняла, что он смотрит на клинок. В его глазах появились красивые изумрудные всполохи, чуть светящиеся в темноте.

- Что, завидно? - спросила я, повертев клинок в руке и убрав обратно за пояс.

- Да... - растерянно пробормотал Леон. - Откуда у тебя?

- Лес подарил, - ответила я.

Мужчина кивнул и снова спросил:

- Ты подруга Веры, дочери Макара, и ходила с ней на болота? - он испытующе смотрел мне в глаза, желая уловить ложь, если таковая последует.

Я негромко рассмеялась в ответ. Ну и глупый же он всё-таки! Да чтоб Вера в лес пошла, да в болото! Надо ж такое сморозить!

- Я что-то не то сказал? - спросил он, в очередной раз смущаясь.

Видимо, он был так уверен, что всегда всё делает и говорит так, как надо, что терялся, когда выяснялось, что это не так. Забавно так терялся, голову наклонял, отчего его нос, прямой и ровный, казался длинней, а сам мужчина - симпатичней.

- Верка в жизни в болота не ходила, - ответила я. - С чего ты взял-то этот бред?

Он ответил подробно:

- Макар сказал, что дочь его сапоги надевает, когда по болотам ходит, а я этот клинок в болотах потерял...

- Намекаешь, что клинок - твой? - прищурилась я, прикидывая, что может, так и есть, ведь никто не знал о клинке, и тем более о том, где он был найден.

- Да, он мой, - ответил Леон, посмотрев мне в глаза.

- Тогда сейчас я закричу и тебя повяжут, а клинок останется моим! - ответила я и открыла было рот, но мужчина быстро зажал мне его рукой:

- Нет... пожалуйста... - попросил он, пока я не начала вырываться. - Я не отберу клинок и не украду. Если ты не захочешь отдавать его мне - он останется твоим.

Я понимающе закивала, и он убрал свою ладонь, заметив, что мне не приятно его прикосновение. Вытерев рот рукавом, я отлично продемонстрировала своё отношение к его действию.

- С чего бы мне решить отдать тебе такую вещь? - дерзко спросила я у нависающего надо мной мужчины.

Мужчина немного подумал и тихо заговорил:

- Послушай... Как твоё имя? - он вдруг вспомнил, что мы не знакомы.

- Мила, - ответила я. - Милания.

- Леон, - представился мужчина.

- Знаю, - буркнула я, и он удивился моему комментарию. - Просто я подслушивала, пока вы ужинали у меня дома.

- Зачем? - совершенно не понял он, забавно и растерянно моргнув.

- Ну... - замялась я, отводя взгляд от странных глаз. - Понимаешь, я ночевала у Олеськи, а потом Сенька, её брат, сказал, что у нас ночуют двое мужчин, и мы пришли посмотреть...

- Понятно, - немного смутился Леон, но быстро глянул на меня и заговорил вновь: - Понимаешь, Мила, я... Я потерял этот клинок и вернулся именно за ним, поскольку он очень дорог мне... - его голос сделался обволакивающим и елейным. - Эта вещь - последняя память о моей матери, умершей, когда я был ещё ребёнком... - он отвёл взгляд и продолжил, тяжело сглотнув: - Это действительно очень важно для меня, и я готов променять на этот клинок все деньги, что у меня есть с собой, а также все ценности...

Он был таким растерянным и грустным, что отвечать ему резким отказом было бы жестоко, поскольку слова его показались мне искренними.

- Пойми, это реликвия моей семьи... Тебе не стоит знать, что им совершались убийства, ведь ты брезгливая, да? Так что, если решишь оставить тебе его, не думай о том, что им свершалось раньше... - мне показалось, что он специально это говорит, чтобы вызвать у меня отторжение к этой вещице. - Ты можешь стараться не думать, а можешь просто обменять его на много приятных мелочей... Купишь себе наряды, драгоценности... Парни с твоей деревни будут сохнуть по тебе, когда увидят, поверь. Тебе ведь наверняка кто-то нравится? Да? Он будет твой, правда... - Леон посмотрел мне в глаза умоляюще. - Давай же, ты ничего не потеряешь, ты сделаешь доброе дело и только выиграешь... - пока он говорил, наклонялся всё ниже и, в конце концов, коснулся своими губами моих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.